

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»
Институт открытого и дистанционного образования
Кафедра «Современные образовательные технологии»

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ

Заведующий кафедрой

_____ А.В. Прохоров

_____ 2021 г.

Адвокатская деятельность в системе защиты прав граждан

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ЮУрГУ – 40.03.01.2021.11526. ВКР

Руководитель работы

доцент кафедры СОТ

_____ Е.В. Меджидова

_____ 2021 г.

Автор работы

студент группы ДО–537

_____ Е.Б. Гром

_____ 2021 г.

Нормоконтролер

ст. преподаватель кафедры СОТ

_____ Е.Н. Бородина

_____ 2021 г.

Челябинск 2021

АННОТАЦИЯ

Гром Е.Б. Адвокатская деятельность в системе защиты прав граждан. – Челябинск: ЮУрГУ, 2021, ДО–537, 86 с., 3 ил., библиогр. список – 50 наим., 13 л. плакатов ф. А4.

Объектом выпускной квалификационной работы являются общественные отношения, возникающие в сфере адвокатской деятельности, направленной на защиту прав граждан.

Цель работы – исследование особенностей адвокатской деятельности в системе защиты прав граждан на современном этапе развития нашей страны.

В работе рассмотрена роль адвокатской деятельности в обеспечении права граждан на квалифицированную юридическую помощь, изучена судебная практика по адвокатской деятельности в системе защиты прав граждан, сформулированы предложения по совершенствованию системы адвокатской деятельности в системе защиты прав граждан.

Результаты работы имеют практическую значимость, содержат выводы, практические рекомендации и предложения автора по совершенствованию системы адвокатской деятельности в системе защиты прав граждан.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
1 ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ОБ АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	8
1.1 Историко-правовой анализ становления и развития адвокатской деятельности в России	8
1.2 Характеристика нормативного регулирования адвокатской деятельности в законодательстве РФ.....	20
1.3 Конституционные основы адвокатской деятельности.....	25
2 РОЛЬ АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВА ГРАЖДАН НА КВАЛИФИЦИРОВАННУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ	34
2.1 Судебные способы защиты прав граждан	34
2.2 Внесудебные способы защиты прав граждан	43
2.3 Альтернативные способы разрешения спора	48
3 ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АДВОКАТОМ ОБЩЕПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ГРАЖДАН	55
3.1 Судебная практика по адвокатской деятельности в системе защиты прав граждан.....	55
3.2 Предложения по совершенствованию системы адвокатской деятельности в системе защиты прав граждан.....	68
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	79
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	84

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность данной темы обусловлена тем, что социальные и правовые условия функционирования общества изменчивы, что, в свою очередь, приводит к трансформации прав и свобод человека, изменению условий их реализации, дополнению их содержания, появлению ранее не существовавших правовых возможностей. Новые экономические, политические, этические, геополитические, социальные условия определили современную концепцию прав и свобод человека, которая существенно отличается от изначального содержания, сохраняя при этом базовые ценности гуманизма, демократизма, придания личности центрального значения в функционировании правовой системы государства.

Охрана прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, усиление их социальной защищенности являются приоритетными направлениями деятельности государства и важнейшими задачами правовой реформы. Государство в лице его законодательных, исполнительных и судебных органов власти увидели в человеке высшую ценность общества и предпринимают активные, хотя и не всегда эффективные попытки к решению проблем защиты интересов конкретного человека. Важнейшим звеном в механизме организации и осуществления прав и свобод граждан является адвокатура.

Объект исследования – общественные отношения, возникающие в сфере адвокатской деятельности, направленной на защиту прав граждан.

Предметом исследования являются нормы законодательства, предусматривающие право граждан на адвокатскую защиту.

Целью выпускной квалификационной работы является исследование особенностей адвокатской деятельности в системе защиты прав граждан на современном этапе развития нашей страны.

Достижение поставленной цели обуславливает необходимость последовательного решения следующих **задач**:

- 1) провести историко-правовой анализ становления и развития адвокатской деятельности в России;
- 2) изучить нормативно-правовое регулирование адвокатской деятельности в РФ;
- 3) рассмотреть конституционные основы адвокатской деятельности;
- 4) провести анализ судебных способов защиты прав граждан;
- 5) рассмотреть внесудебные способы защиты прав граждан;
- 6) изучить альтернативные способы разрешения спора;
- 7) выявить проблемы использования адвокатом общепрофессиональных полномочий при осуществлении защиты прав граждан и сформулировать предложения по совершенствованию системы адвокатской деятельности в системе защиты прав граждан.

Проведенное исследование опирается на диалектический метод научного познания явлений окружающей действительности, отражающий взаимосвязь теории и практики. Обоснование положений, выводов и рекомендаций, содержащихся в работе, осуществлено путем комплексного применения

следующих методов социально-правового исследования: историко-правового, статистического и логико-юридического.

Теоретической и методологической основой исследования явились труды российских ученых по проблематике адвокатуры; нормативные акты, регулирующие сферу исследования.

В качестве практического материала использовались данные российской судебной практики.

Результаты выпускной квалификационной работы в частности, представленные предложения по совершенствованию системы адвокатской деятельности в системе защиты прав граждан, имеют **теоретическую и практическую значимость.**

1 ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ОБ АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1.1 Историко-правовой анализ становления и развития адвокатской деятельности в России

По ключевым хронологическим отметкам можно проследить историю появления и становления российской дореволюционной адвокатуры: «1864 г. – принятие Судебных уставов, создававших институт присяжных поверенных в России и суды присяжных.

1866 г. – непосредственный запуск новой судебной системы и начало работы присяжных поверенных. С этого момента началось создание Советов присяжных поверенных как органов самоуправления адвокатского сословия. Однако за последующие 40 лет было создано лишь три таких Совета: в Москве, Санкт-Петербурге и Харькове.

Образование адвокатских Советов в иных губерниях искусственно тормозилось и блокировалось государством административными методами (сенатский запрет 1874 г.), так как адвокаты были слишком неподконтрольными и зачастую оппозиционно настроенными по отношению к самодержавному режиму. Кроме того, регулярно предпринимались различные попытки реформирования института защитников, предполагавшие в основном ограничение их прав.

Такую государственную политику можно назвать если не попытками полного уничтожения российской адвокатуры, то, по крайней мере, совершенно точно ограничениями ее независимого развития» [15, с. 110].

«Институт частных поверенных появился в 1874 г., требования к которым (цензы, прежде всего, образовательный) были значительно ниже, чем к присяжным поверенным. Предполагалось, что частные поверенные будут работать только по гражданским делам и в мировых судах, но фактически они работали везде, в том числе и в уголовных разбирательствах.

Далее были годы – 1904–1906. Октябрьский Манифест Николая II об изменении государственного устройства был издан в 1905 г., и даровал подданным гражданские права и свободы. С этого момента началась либерализация режима.

В этот период стали появляться повсеместно Советы присяжных поверенных.

Последней хронологической отметкой в истории русской присяжной адвокатуры является 1917 г.

В этот период большевики отменили старую судебную систему и вместе с ней присяжную адвокатуру. Но судебные институты и присяжная адвокатура примерно до конца 1919 г. еще теплилась.

Как таковых радикальных контрреформ адвокатуры не проводилось, только был запрет создавать новые Советы присяжных поверенных, так же были контрреформы суда.

В 1872 г. прошел первый гласный политический процесс в России: «после оправдания 42 из 78 подсудимых судом сословных представителей Петербургской судебной палаты по «Нечаевскому делу», государь-император дал

приказ представить ему меры, которые нужно принять для «предупреждения таких приговоров» в дальнейшем. Министр юстиции граф Константин Пален тут же внес предложение в Государственный совет: «об изменении некоторых статей Судебных уставов и создании нового органа – Особого присутствия Правительствующего сената для рассмотрения политических дел антигосударственной направленности, которое было принято и утверждено императором 7 июня 1872 г.»

Итак, реформирование судебной системы началось через шесть лет после первого крупного политического процесса. Ужесточения судебных практик и проведение реформ предпринимались всегда» [15, с. 118].

В 1874 г., как уже указывалось, был наложен мораторий на создание новых Советов присяжных поверенных, кроме трех уже имевшихся, а в 1876-м министр юстиции граф Пален хотел затруднить условия для поступления в присяжную адвокатуру, учредить при судах наблюдательные (за поверенными) комитеты, установить лимиты числа присяжных поверенных и т. д. Этот проект Минюста, однако, был отложен царем «до особого распоряжения».

«Закон от 9 мая 1878 г. «О подсудности и порядке производства дел о государственных преступлениях»: «к 1878 г. законодательно закрепились неподсудность суду присяжных вообще всех политических дел, в том числе дел о печати, о государственных преступлениях и преступлениях, совершенных против должностных лиц.

Искажением смысла судебных уставов стал факт изъятия из ведения суда присяжных на уровне окружных судов и передача их Судебные палаты.

Император Александр тоже проводил контрреформы судебной системы, правящий с 1881 г.

Отмена мировых судов везде, кроме Москвы и Петербурга, в 1889 г. с передачей судебной власти по данной категории дел в городах – городским судьям, а в сельской местности (для крестьян) – земским начальникам, нанес сильнейший удар по Судебной реформе.

Восстановление института мировых судей было в 1912 г.

До земских начальников для крестьян существовали сословные суды – волостные, которые действовали наравне с мировыми, но пользовались у крестьян большей популярностью, поскольку действовали больше на основании правового обычая, чем формального закона» [31, с. 66].

Обер-прокурор Константин Победоносцев, считающийся главным архитектором контрреформ Александра III, в 1885 г. предложил царю вернуть судебную систему в зависимость от административного аппарата. Так же им предложено отменить несменяемость судей, пресечь публичность всех судебных заседаний: «принять меры к обузданию и ограничению деятельности присяжных поверенных», ликвидировать суд присяжных.

Но идеи его не были поддержаны, так как обер-прокурор Анатолием Кони блокировал контрреформы на уровне Сената.

Право суда рассматривать уголовные дела при закрытых дверях возникло в 1887 г., в связи с чем сузилась гласность гражданского судопроизводства. Был

запрет публикации отчетов о политических процессах в прессе. Права присяжных поверенных ограничивались.

Одновременно в судебной практике сформировался так называемый обвинительный уклон, в первую очередь, в деятельности судебных следователей, о чем прямо говорил в своих воспоминаниях Анатолий Кони: «Со времени оставления мною совместной службы со следователями в Петербурге прошло почти тридцать лет. Многое в судебной практике с тех пор изменилось и едва ли к лучшему. По делам, проходившим через мои руки по должности обер-прокурора уголовного кассационного департамента, я видел, как постепенно и нередко при явном влиянии и внушении, идущем с иерархических высот, вторгалось в следственную практику одностороннее обвинительное творчество. Оно проявлялось в расширении исследования далеко за пределы состава и свойства преступления и движущих к нему побуждений, в производстве ненужных и напрасных экспертиз по вопросам, из которых фантазия играла гораздо большую роль, чем разумная потребность, в приемах, облегчающих обвинителю на суде обход прямых запрещений закона...» [315, с. 80].

Для лиц не православного вероисповедания в 1890 г. был введен запрет на адвокатскую профессию (для представителей других конфессий оставлена возможность допуска по специальному разрешению Министерства юстиции), а в 1909 г. издали предписания Сената, не допускавшие в состав присяжных поверенных женщин. Основание было формальное: «В Судебных уставах указано, что «присяжный поверенный носит фрак».

На общероссийском уровне впервые объединили адвокатов революционные события 1905 г. В условиях борьбы с полицией в Петрограде прошел I Всероссийский съезд адвокатов, в котором приняли участие около 200 делегатов, избранных собраниями присяжных поверенных и их помощников со всех судебных округов страны. Съезд учредил «Всероссийский союз адвокатов», который в дальнейшем объединил 2,5 тысячи присяжных поверенных и их помощников из 64 городов России. Союз адвокатов был создан съездом единогласно и без лишних прений в целях: «объединения общественно-профессиональной деятельности адвокатуры и достижения политического освобождения России на началах демократической конституции».

Всероссийский союз адвокатов ставил перед собой очень амбициозные задачи в области профессиональной деятельности: «разработки и совершенствования правил адвокатской этики, внутренней организации сословия присяжных поверенных, содействия подъему нравственного уровня, ограждения членов сословия от произвола».

«Также Союз адвокатов намеревался: «оказывать содействие правовой науке и судебной практике, объединяя и обрабатывая богатый материал, черпаемый адвокатами из их профессиональной деятельности. И, наконец, Союз адвокатов предполагал содействовать улучшению материального обеспечения членов сословия, их семейств на случай смерти, болезни или неспособности к труду, созданию пенсионной кассы и иных видов взаимопомощи» [17, с. 322].

В Москве состоялся II Всероссийский съезд адвокатов, проведению которого также препятствовала полиция. На съезде было решено принять активное участие в выборах в первую Государственную Думу, поддержать всеобщую политическую забастовку и оказать ей содействие, как юридической помощью, так и всеми доступными средствами, в том числе и материальными.

В дальнейшем, однако, как отмечает Гессен, Союз адвокатов «не сделал решительно ни одного шага для осуществления намеченных профессиональных целей. Союз весьма настойчиво сопротивлялся всяким внешним давлениям и обнаруживал тем больше жизнеспособности, чем давление было сильнее. Но он не смог выдержать внутренних трений, даже не трений, а просто уменьшения интереса к союзу. События развивались тогда быстро и бурно, значительная (пролетарски настроенная) часть адвокатуры стала презрительно трактовать союз как «буржуазную организацию», и он быстро умер».

Таким образом, всероссийские съезды адвокатов 1905 г. и порожденный ими Всероссийский союз адвокатов сыграли некоторую политическую роль в истории страны, однако оставили лишь слабый след в профессиональной жизни отечественной адвокатуры. В это время отношения между государственной властью и адвокатурой испортились.

«Союз адвокатов со стороны органов государственной власти не был признан, а после петербургского съезда адвокатов некоторые его делегаты за участие в Союзе были привлечены к жандармскому дознанию по ст. 126 Уголовного уложения (об участии в сообществе, заведомо поставившем целью своей деятельности ниспровержение существующего в государстве общественного строя), поскольку одной из задач учрежденного Всероссийского союза адвокатов, как и было указано ранее, являлось изменение политического режима в России.

К чести всех адвокатов – членов Союза они заступились за своих коллег путем подачи заявления в жандармские управления о своей принадлежности к Союзу. В результате такого массового демарша и страха излишней общественной огласки и скандала привлечение к уголовной ответственности за членство в Союзе адвокатов летом того же 1905 г. было прекращено» [16, с. 233].

Русское общество оценило политическую активность адвокатуры. В учрежденной вскоре Государственной Думе ее представители сыграли весьма заметную роль: «председателем Госдумы первого созыва был избран присяжный поверенный Сергей Муромцев, а в целом среди депутатов всех четырех созывов дореволюционного парламента было стабильно по два-три десятка представителей сословия присяжных поверенных».

«После роспуска первой Госдумы Николаем II вместе с другими депутатами-кадетами Сергей Муромцев: «подписал так называемое «Выборгское воззвание» с призывом оказывать пассивное сопротивление власти – не платить налогов, не идти на военную службу и т. д., за что был приговорен к трем месяцам лишения свободы и находился в Московской губернской тюрьме (знаменитой «Таганке») летом 1908 г. Кроме того, Муромцев был исключен из дворянского сословия, что лишило его права быть и присяжным поверенным».

«Февральская революция 1917 г. сгруппировала адвокатов вокруг Временного правительства. Адвокатское сословие признало существенное искажение имперскими властями первоначального смысла Судебной реформы Александра II. Постановлением Временного правительства образована Комиссия по восстановлению основных положений Судебных уставов 1864 г. В Комиссию вошли 60 человек (все – известные юристы, присяжные поверенные и общественные деятели). Возглавил эту комиссию министр юстиции, бывший присяжный поверенный Александр Керенский, а его заместителем стал сын одного из авторов Судебной реформы – Александр Зарудный, также присяжный поверенный, который фактически и нес всю основную нагрузку работы в данной структуре.

В комиссии работала адвокатская подкомиссия, возглавляемая присяжными поверенными Николаем Муравьевым и Николаем Карабчевским, которая занималась пересмотром «накопившихся за 1870–1900 гг. ограничений адвокатуры». Став министром юстиции Временного правительства, Александр Керенский первым делом приехал на встречу с Петроградским советом присяжных поверенных и выразил надежду на поддержку адвокатами нового правительства. На что петербургские защитники: «высказали своему коллеге-поверенному «полное согласие». Первыми шагами «февральской власти» в области адвокатуры стали снятие национальных, религиозных и гендерных ограничений на вступление в корпорацию присяжных поверенных, а также отмена запрета на участие защитников в специализированных военных судах. Вскоре, однако, власть в стране переменилась» [15, с. 44].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что несмотря на то, что имперскими властями проводился жесткий курс на полное уничтожение независимости адвокатуры так же принимались меры по искусственному созданию условий для ограничения ее развития.

«Начиная говорить о закате дореволюционной российской адвокатуры, следует отметить любопытный исторический факт: «По законодательству Российской Империи статус помощников присяжных поверенных был весьма неопределенным. С 1874 г. с введением института частных поверенных в Учреждениях судебных установлений (ст. 406.17) за помощниками присяжных поверенных было закреплено право на самостоятельное ведение гражданских дел в статусе частного поверенного. Однако фактически (из-за нехватки защитников) помощники брались вести защиту и по уголовным делам наравне с самими присяжными поверенными – установилось лишь правило обязательно сообщать о принятых делах своему ментору, что на практике, как отмечают исследователи, соблюдалось далеко не всегда. То есть де-факто помощник присяжного поверенного приобрел статус, равный его руководителю. Таким, довольно небезуспешным помощником присяжного поверенного был Владимир Ульянов (Ленин) – в Самарском окружном суде он провел 14 уголовных и 2 гражданских дела. В них он добился оправдания для пятерых своих подзащитных, одно дело было прекращено за примирением сторон, для 8 обвиняемых удалось добиться

смягчения наказания, и, наконец, оба гражданских процесса завершились победой Ульянова» [18, с. 198].

Как указывается в научных исследованиях: «молодой помощник присяжного поверенного В.И. Ульянов был довольно известной личностью в Самаре, его даже называли «мужицким правозаступником». Несмотря на то, что Владимир Ульянов вел в основном уголовные дела, его «патрон» А.Н. Хардин утверждал, что из его помощника выйдет со временем «выдающийся цивилист».

Тем не менее, когда мы слышим словосочетание «Ленин и адвокатура», на ум обычно приходит следующая цитата из вождя пролетарской революции: «Адвокатов надо брать в ежовые рукавицы и ставить в осадное положение, ибо эта интеллигентская сволочь часто паскудничает». Как и многие другие цитаты Ульянова (Ленина), она вырвана из контекста и обрезана, благодаря чему совершенно теряется ее первоначальный смысл. В данном случае продолжение фразы Ленина было такое: «...Заранее им объявлять: если ты, сукин сын, позволишь себе хоть самое малейшее неприличие или политический оппортунизм (говорить о неразвитости, о неверности социализма, об увлечении, об отрицании социал-демократами насилия, о мирном характере их учения и движения и т. д. или хоть что-либо подобное), то я, подсудимый, тебя оборву тут же публично, назову подлецом, заявлю, что отказываюсь от такой защиты и т. д. И приводить эти угрозы в исполнение. Брать адвокатов только умных, других не надо. Заранее объявлять им: исключительно критиковать и «ловить» свидетелей и прокурора на вопросе проверки фактов и подстроенности обвинения, исключительно дискредитировать шемякинские стороны суда... Будь только юристом, высмеивай свидетелей обвинения и прокурора, самое большее – противопоставляй этакий суд и суд присяжных в свободной стране, но убеждений подсудимого не касайся, об оценке тобой его убеждений и его действий не смей и заикаться. Ибо ты, либералишко, до того этих убеждений не понимаешь, что, даже хваля их, не сумеешь обойтись без пошлостей. Конечно, все это можно изложить адвокату не по-собакевичевски, а мягко, уступчиво, гибко и осмотрительно. Но все же лучше адвокатов бояться и не верить им, особенно если они скажут, что они социал-демократы и члены партии...» [15, с. 101].

Как видим, жесткие выражения Ленина касались не адвокатуры в целом как института, а адвокатов, которые защищали социал-демократических политических активистов (членов партии РСДРП). Ленин подчеркивал: «защитники не должны преуменьшать политическую подоплеку действий подсудимых ради смягчения наказания (что было вполне распространенной тактикой защиты), он фактически настаивал, что адвокаты должны работать лишь по процессуальным вопросам и не касаться политических взглядов их подзащитных».

«Даже из этой цитаты очевидно, что политик внутри Ленина победил адвоката, «мужицкого правозаступника». Неудивительно, что под Декретом о суде № 1 от 22 ноября 1917 г. Совета народных комиссаров (СНК), который упразднял и царские судебные установления, и институт присяжной адвокатуры, стоит подпись именно В.И. Ульянова (Ленина)».

«В п. 3 данного декрета указано, в частности: «Упразднить донные существовавшие институты судебных следователей, прокурорского надзора, а равно и институты присяжной и частной адвокатуры. В роли же обвинителей и защитников, допускаемых и в стадии предварительного следствия, а по гражданским делам – поверенными допускаются все не опороченные граждане обоего пола, пользующиеся гражданскими правами» [15, с. 129].

15 февраля 1918 г. Декрет о суде № 2 немного сузил категорию «неопороченных граждан», которые могут работать в суде: «При Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов создается коллегия лиц, посвящающих себя правозаступничеству как в форме общественного обвинения, так и общественной защиты. В эти коллегии вступают лица, избираемые и отзывающиеся Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Только эти лица имеют право выступать в судах за плату» [15, с. 131].

«Так что на территориях, подконтрольных Советской власти, с 1917 по 1922 г. дело обстоит именно таким образом – существовала лишь своеобразная квазиадвокатура, формально присутствовавшая и в так называемых «революционных трибуналах», и в советских «народных судах» периода гражданской войны и военного коммунизма.

Присяжные поверенные и судейские работники без энтузиазма восприняли указания новой власти и даже пытались продолжать свою деятельность, саботируя распоряжения большевиков, однако это вызвало лишь репрессии и вынужденную эмиграцию многих известных юристов».

Итак, эра российской присяжной адвокатуры окончилась.

Постановлением ВЦИК было утверждено 26 мая 1922 г., Положение об адвокатуре, что можно считать началом советской адвокатуры. Это был не отдельный документ, а изменения в законодательство относительно процедур судопроизводства и правил участия в нем защиты.

«При этом сам термин «адвокат» советским законодателем не использовался, прямо как в царские времена и по тем же причинам – государство вновь относилось к адвокатам с подозрением и на всякий случай не желало даже использовать само это слово».

Наркомат юстиции РСФСР в развитие решений ВЦИК 5 июля 1922 г. принял Положение о коллегии защитников, которое предусматривало создание коллегий защитников в каждой губернии (через год этот документ вошел отдельной главой в Положение о судостроительстве). На общесоюзном уровне до 1939 г. не было принято единого нормативного акта об адвокатуре, а ее деятельность регулировалась положениями союзных республик.

«В эпоху НЭПа деятельность адвокатов была спокойной. С выходом в свет кодексов появилось и «Положение о судостроительстве». В нем нашлось место и адвокатуре. До этого были «правозаступники», т. е. такие же чиновники, как и судьи. Они получали жалованье от государства, назначались судом на защиту и равнодушно смотрели на то, что происходит вокруг. Согласно «Положению» адвокаты выделялись в особую корпорацию со своим президиумом, областным или краевым: коллегия защитников».

Президиум имел дисциплинарные права, вплоть до исключения из коллегии. Право «надзора» также принадлежало исполкому, который мог «отвести» защитника. Фактически это право принадлежало прокурору, который действовал через исполком. Для поступления в коллегию требовался стаж: не менее года работы судьей, секретарем суда, прокурором, агентом НКВД или даже милиционером. При отсутствии стажа сдавался экзамен.

«В дальнейшем стала проводиться «проверка личного состава адвокатуры». Она велась комиссией из таких представителей, как председатель краевого суда, председатель президиума коллегии защитников, представители краевого ГПУ, краевой прокуратуры, краевого комитета партии. Задавались в основном политические вопросы. Первоначальный состав коллегии защитников был более или менее удовлетворительным, так как в нее вошли старые судебные работники и они старались поддержать это сословие на известном моральном уровне. Способствовало этому и постановление Центрального комитета партии: «нахождение в рядах членов коллегии защитников недопустимо для членов партии как носящих это высокое звание» [21, с. 45].

«В результате проведенной в 1922–1923 гг. судебно-правовой реформы появился нормативно закреплённый перечень профессиональных прав адвоката-защитника, хотя он и являлся ограниченным. Принятая в 1936 г. Конституция СССР установила право защитника на его допуск на стадию судебного разбирательства по уголовному делу. Впрочем, и тут начинались разные игры с трактовками данной конституционной нормы, когда в суд попадали политические дела по ст. 58 УК РСФСР об антисоветской пропаганде и агитации и тому подобным преступлениям против советской власти».

Первый общесоюзный нормативный правовой акт, регулирующий данную сферу деятельности - Положение об адвокатуре СССР 1939 г.

В соответствии с ним создавались областные, краевые и республиканские коллегии адвокатов. Во главе всего был Народный комиссариат юстиции Союза ССР – через комиссариаты юстиции союзных республик. Официально в законодательство было введено слово «адвокат», заменившее ранее использовавшийся термин «защитник». Но, адвокатов по-прежнему законодательно не допускали до участия в работе на стадии предварительного следствия, хотя этот вопрос начали обсуждать в юридических кругах и печати. Основной сферой деятельности советских адвокатов оставалось судебное представительство и оказание различной правовой (в основном консультационной) помощи через развернутую систему адвокатских коллегий и «адвокатских коллективов» (юридических консультаций).

«Внутренними (корпоративными) органами вновь созданных коллегий были общее собрание членов коллегии и президиум. Существовал и определенный ценз для приема в адвокаты – высшее юридическое образование и стаж практической работы в судебных, прокурорских и иных органах юстиции не менее одного года.

В коллегии адвокатов не могли приниматься лица, лишённые избирательных прав, имеющие судимость и находящиеся под следствием и судом. Предусматривалась и дисциплинарная ответственность адвокатов за

недобросовестное исполнение их обязанностей, нарушение тарифов и другие проступки, за что президиум коллегии адвокатов налагал дисциплинарные взыскания: замечание, выговор, строгий выговор, отстранение от работы адвоката на срок до шести месяцев и «высшую меру» – исключение из состава коллегии адвокатов» [22, с. 110].

Адвокатура не упразднялась и в период Великой Отечественной войны, хотя права обвиняемых и адвокатов в военных трибуналах были существенно ограничены.

«Хрущевская «оттепель» принесла в 1958 г. изменения в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и соответствующие новеллы в уголовно-процессуальные кодексы союзных республик: «в ст. 23 указанных Основ в рамках одной нормы, регламентирующей правовой статус адвоката, были изложены следующие права адвоката-защитника: иметь свидание с обвиняемым, знакомиться со всеми материалами дела и выписывать из него необходимые сведения, представлять доказательства, заявлять ходатайства, участвовать в судебном разбирательстве, заявлять отводы, приносить жалобы на действия и решения следователя, прокурора и суда, присутствовать при допросах обвиняемого и при производстве иных следственных действий, выполняемых по ходатайствам обвиняемого или его защитника (но только с разрешения следователя). Эти и некоторые другие процессуальные права и гарантии в дальнейшем были закреплены в УПК союзных республик. В частности, адвокат мог уже на стадии предварительного расследования представлять интересы несовершеннолетних, инвалидов и людей, не говорящих на языке судопроизводства. Также закреплялось право адвоката участвовать в рассмотрении уголовных и гражданских дел в судах всех инстанций, включая Верховный суд СССР».

«Важной вехой в истории отечественной адвокатуры стало принятие Положения об адвокатуре РСФСР 1962 г. Именно этот документ стал важным в оформлении действующей и поныне двухуровневой системы профессиональных прав адвоката-защитника: «первый уровень прав определялся отраслевым актом (положением, законом), второй – уголовно-процессуальным законодательством (в РСФСР – УПК РСФСР 1960 г.)» [23, с. 211].

«Положение 1962 г. определило статус адвокатского запроса: «адвокатам было предоставлено право запрашивать справки, характеристики и другие документы из государственных и общественных организаций (ст. 26) и устанавливало гарантии сохранения адвокатской тайны (ч. 7 ст. 52, ч. 2 ст. 72). Кроме того, адвокатам отныне было официально разрешено оказывать юридическую помощь не только гражданам, но и предприятиям, организациям, включая государственные, а также колхозам и совхозам».

В результате судебно-правовой реформы конца 50-х – начала 60-х гг. советские адвокаты приобрели статус полностью самостоятельных участников процесса. Господствовавшая до этого концепция «адвокат – помощник суда» сменилась современным понятием «адвокат – представитель законных интересов доверителя» [23, с. 222].

При этом структурно адвокатура сохранила ранее созданную систему: работа на местах (с людьми) велась через открытые коллегиями юридические консультации, а органами адвокатского самоуправления были общие собрания коллегий адвокатов, их президиумы и ревизионные комиссии. Общее же руководство (кураторство) деятельностью адвокатуры возлагалось на Министерство юстиции каждой конкретной союзной советской республики. О независимости адвокатуры в полной мере, однако, речь по-прежнему не шла, потому что органы юстиции имели право на исключение адвоката из профессии, а руководство коллегий (избранные председатели президиумов и их заместители) проходили обязательную процедуру утверждения в Минюсте.

«Попытку расширить права адвоката (а больше обвиняемого) в 70-е гг. сделал, законодатель, разрешив участие адвоката на стадии предварительного расследования любого уголовного дела при вынесении соответствующего постановления прокурора. Но, норма на практике оказалась не востребованной.

В 1977 г. была принята Конституция СССР, в которой статус адвокатуры впервые был закреплен отдельной статьей (ст. 161), следом за этим последовали Закон об адвокатуре СССР 1979 г. и Положение об адвокатуре РСФСР 1980-го, а также модернизация уголовно-процессуального законодательства: «в части усиления адвокатского статуса и расширения прав защитников. В частности, было законодательно закреплено участие адвоката на стадии предварительного следствия и усилены гарантии сохранения адвокатской тайны: был введен прямой запрет на допрос адвоката в качестве свидетеля об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с исполнением обязанностей защитника или представителя».

«Кроме того, появились категории дел, по которым адвокатами оказывалась гражданам бесплатная юридическая помощь (за счет государства): например, о возмещении вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья, связанным с работой.

Требуемый юридический стаж для вступления в профессию повысился до двух лет, но, самое главное, – органы государственной власти утратили право исключать адвокатов из коллегий, как и пропала необходимость утверждать их избранных руководителей в Минюсте. Обретенная адвокатурой независимость была все же декларативной, так как директивы ЦК КПСС и прочих исполнительно-распорядительных органов советской власти оставались обязательными для исполнения для всех.

В 1985 г. правоохранительными органами была инициирована кампания по привлечению ряда защитников к уголовной ответственности за осуществление активной профессиональной деятельности.

Но и без этой показательной порки (которая, впрочем, не привела к тяжким для адвокатуры последствиям, в том числе благодаря блестящей работе адвоката Г.М. Резника) далеко не все советские адвокаты были, собственно адвокатами. Особенно, когда речь шла о политически мотивированных уголовных процессах в 60–80-х гг.»

«Несмотря на то, что с течением времени законодательное обеспечение деятельности адвоката в СССР улучшалось, правоприменительная практика, оставляла желать лучшего. Можно, возразить, что в «обычных» неполитических делах все было не так плохо, а оправдательных приговоров в советских судах было даже больше, чем в современной России, но избирательное правосудие – это уже не совсем правосудие.

Анализируя развитие института адвокатуры в советский период, можно прийти к выводу, что объем прав защитника постепенно (с каждой новой нормой) расширялся, а законодательство (как профильное, так и процессуальное), направленное на практическую реализацию полномочий и прав адвоката, совершенствовалось в зависимости от возрастания уровня либерализации политического режима» [24, с. 110].

Правовое положение защитника всегда было неразрывно связано с процессуальным положением представляемого им лица. То есть расширение зоны профессиональных прав адвоката обуславливалось развитием института процессуальных прав защищаемых им лиц.

«Законы СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности» (1986 г.) и «О кооперации» (1988 г.) это начало эры новых адвокатских форм: «стали появляться так называемые «параллельные» коллегии, адвокатские кооперативы, межрегиональные коллегии и иные виды адвокатских объединений, формально согласовывавшие их учреждение с Минюстом России, но в целом рыночные отношения начали вытеснять привычный уклад жизни корпорации. В попытках удержать профессию в рамках традиций и регламентировать некие «правила игры» создавались Союз адвокатов СССР (1989 г.) и Союз адвокатов России (1990 г.), но общественно-политическая жизнь страны ускорялась невиданными темпами».

В декабре 1991 г. прекратил свое существование СССР, исчезло советское государство, но не перестало действовать советское право. Правового вакуума не образовалось ни в судебной, ни в адвокатской деятельности – в России продолжали действовать УПК РСФСР 1960 г., Положение об адвокатуре РСФСР 1980 г. и иное законодательство. Однако было очевидно, что эти правовые нормы уже не соответствуют новому типу и сложности общественных отношений, сложившихся в стране.

«Важной вехой в этот исторический момент стало принятие Конституции России 1993 г., которая, помимо прочего, на уровне Основного закона закрепила принцип презумпции невиновности (ст. 49), а также государственные гарантии предоставления квалифицированной юридической помощи гражданам (ст. 48) в определенных правовых ситуациях (задержание, предъявление обвинения и т. д.)» [1].

«Необходимо отметить также большой вклад КС РФ в стабилизацию правовой системы: «правотворческая работа КС РФ в этот период позволила еще достаточно длительное время поддерживать «хромящее» советское законодательство в относительно рабочем состоянии, не позволяя тем самым обрушиться правовым механизмам государств».

В 1993 г. произошло еще одно важнейшее событие, которое существенным образом повлияло на развитие обновленной отечественной адвокатуры, – в Россию вернулся институт присяжных заседателей. Правосудие вновь начали вершить народные судьи (коллекцией из 12 человек), прямо как в дореволюционное время – в «золотой век» российской адвокатуры.

А в 1998 г. Россия ратифицировала Европейскую конвенцию о правах человека, установившую компетенцию Европейского Суда по правам человека для РФ. Но, некоторые протоколы к Конвенции так до сих пор Россией не признаны.

«Во внутреннее материальное и процессуальное законодательство России постоянно вносились разного рода поправки все 90-е гг., пока наконец, в 2001 г. не был принят УПК РФ, а в 2002 г. – Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»[9].

«Этот закон стал основным изменением законодательства об адвокатуре в современной России, и пришел он на смену Положению об адвокатуре РСФСР 1980 г. И это действительно был прорыв. Закон не только предусмотрел четко определенный терминологический аппарат («адвокатура», «адвокат», «адвокатская деятельность»), но и подробно регламентировал правовой статус адвоката, установил гарантии независимости и самоуправления профессии. Затем появился Кодекс профессиональной этики адвоката, утвержденный I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.» [10].

Закон обеспечил и реформирование организационной структуры российской адвокатуры. На смену коллегиям республик, краев и областей пришли адвокатские палаты субъектов РФ (высшим органом региональной адвокатской палаты является собрание (конференция) адвокатов, а коллегиальным исполнительным органом – Совет адвокатской палаты, также действуют ревизионная и квалификационная комиссии и, конечно, президент палаты).

«На федеральном уровне адвокатура с 2003 г. представлена Федеральной палатой адвокатов РФ, устав, который был утвержден тем же I Всероссийским съездом адвокатов 2003 г. Всероссийский съезд – высший федеральный орган адвокатуры, коллегиальный исполнительный орган – Совет ФПА РФ».

С принятием Закона об адвокатуре для непосредственного осуществления адвокатской деятельности адвокаты получили возможность выбирать одну из четырех организационно-правовых форм. Если раньше существовали только юридические консультации, то теперь выбор стоит между коллегией адвокатов, адвокатским бюро, адвокатским кабинетом и старой доброй юридической консультацией.

«С 2002 г. началась абсолютно новая страница истории российской адвокатуры, ее современный этап, который продолжается по сей день. Конечно, законодательные изменения идут и сейчас. Закон об адвокатуре корректируется, дополняется и уточняется, модернизируется Кодекс этики, меняются процессуальные кодексы. Шагом назад было сужение в недавнем прошлом подсудности ряда категорий дел суду присяжных, однако с лета 2018 г. маятник пошел в обратном направлении – коллегии народных заседателей появились даже

в районных судах, правда, в несколько усеченном составе. А еще немного раньше законодательно был усилен статус адвокатского запроса и даже вернулось межведомственное обсуждение возможности адвокатской монополии на судебное представительство. Так что очень может быть, что российская адвокатура стоит на пороге новой глобальной реформы».

1.2 Характеристика нормативного регулирования адвокатской деятельности в законодательстве РФ

Нормативно-правовое регулирование адвокатской деятельности основано на положениях Конституции России, имеющих в системе правовых норм высшую юридическую силу, и нормах международного права.

«Основным актом, регулирующим адвокатскую деятельность на территории России, является Закон об адвокатуре. Он представляет собой нормативный правовой акт, в котором в концентрированном виде содержатся основные правила организации адвокатуры как системы независимых органов, устанавливаются основные права и обязанности адвоката, закрепляется процедура приобретения статуса адвоката, определяется порядок функционирования органов адвокатского сообщества.

Деятельность адвокатуры может регулироваться и иными федеральными законами. Это прежде всего, кодифицированные нормативно-правовые акты, регламентирующие порядок судопроизводства, в т.ч. и деятельность адвокатов как участников процесса – Уголовно-процессуальный кодекс, Гражданский процессуальный кодекс, Арбитражный процессуальный кодекс и Кодекс об административных правонарушениях.

Кроме того, нормативная база регулирования адвокатской деятельности включает в себя принимаемые в соответствии с федеральными законами нормативно-правовые акты Правительства РФ и федеральных органов исполнительной власти, а также принимаемые в пределах полномочий, установленных Законом об адвокатуре, нормативных правовых актов субъектов РФ.

Также большое значение имеет и Кодекс профессиональной этики адвоката, принимаемый Всероссийским съездом адвокатов, который устанавливает обязательные для каждого адвоката правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности, а также основания и порядок привлечения адвоката к ответственности. Данный документ не является нормативно-правовым актом, а представляет собой пример так называемого корпоративного акта, содержащего правила адвокатской этики.

Статья 1 Закона об адвокатуре дает характеристику адвокатской деятельности и проводит разграничение этой деятельности от иных видов оказания юридической помощи. Под адвокатской деятельностью понимается квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката в порядке, установленном законом, физическим и юридическим лицам (доверителям) в целях защиты их прав, свобод

и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию. Адвокатская деятельность не является предпринимательской деятельностью. Главное отличие адвокатской деятельности от деятельности предпринимательской состоит в том, что цели их принципиально различны. Если целью адвокатской деятельности является реализация предусмотренного ст. 48 Конституции РФ права на получение квалифицированной юридической помощи, то целью предпринимательской деятельности является извлечение прибыли средствами и способами, не запрещенными законом. Адвокат не оказывает услуг в экономическом (товарном) смысле и не извлекает прибыли из своей деятельности. Как указано в Постановлении Конституционного Суда РФ от 23 декабря 1999 г. № 18-П, адвокатская деятельность «не является предпринимательством или какой-либо иной не запрещенной законом экономической деятельностью и не преследует цели извлечения прибыли». К предпринимательской деятельности, по содержанию максимально приближенной к адвокатской, относится деятельность по оказанию платных юридических услуг» [19, с. 109].

«Контроль за соблюдением законодательства при оказании платных юридических услуг осуществляет Министерство юстиции РФ. Кроме того, порядок осуществления предпринимательской деятельности регламентируется иными, по сравнению с регламентирующими адвокатскую деятельность, нормативными актами.

Государство обеспечивает адвокатам особый порядок приобретения соответствующего статуса (ст. ст. 9–13 Закона об адвокатуре), гарантии их независимости (ст. 18 Закона об адвокатуре), а также отличный от имеющегося у предпринимателей порядок уплаты налогов (ст. 226 Налогового кодекса РФ) [7].

Итак, законодательство об адвокатской деятельности и адвокатуре основывается на Конституции Российской Федерации и состоит из Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» № 63–ФЗ от 31.05.2002 г. (ред. от 31.07.2020 г.) [9], других федеральных законов, принимаемых в соответствии с федеральными законами нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти, регулирующих указанную деятельность, а также из принимаемых в пределах полномочий, установленных настоящим Федеральным законом, законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации».

Принятый в порядке, предусмотренном № 63–ФЗ от 31.05.2002 г. «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», кодекс профессиональной этики адвоката устанавливает обязательные для каждого адвоката правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности, а также основания и порядок привлечения адвоката к ответственности.

«Нормативные акты, регулирующие деятельность адвокатуры, формируются двумя путями:

1) органами государственной власти (федеральные законы, указы президента, постановления правительства, приказы министерства);

2) органами адвокатского самоуправления (Кодекс профессиональной этики адвоката, стандарты профессиональной деятельности, решения Всероссийского съезда адвокатов, Совета ФПА РФ, Комиссии по этике и стандартам, собраний и конференций адвокатских палат субъектов РФ, а также их советов и заключения квалификационных комиссий)»).

Второй способ нормотворчества – один из самых наглядных и эффективных примеров реализации установленных законодательством принципов самоуправления, корпоративности и независимости адвокатуры. А с точки зрения эффективности для адвокатского сообщества он и наиболее желаемый, поскольку именно адвокаты имеют и намерение, и способность разрабатывать акты, которые будут служить интересам адвокатуры. Этого нельзя сказать о первом способе, поскольку госорган зачастую недостаточно погружен в особенности нормативного регулирования в сфере адвокатуры, а нередко имеет цели, отличные от ее интересов.

«Если во втором случае творцами нормы являются сами адвокаты, то в первом институте адвокатуры приходится постоянно вступать в переговорные процедуры с властью (и то, если она готова их вести), искать компромиссы, согласовывать редакции. При этом оппонентами всегда выступают судебные, надзорные и правоохранительные органы, которые категорически не желают появления у адвокатов новых полномочий в целях реализации процессуального принципа состязательности, да и вообще не заинтересованы в формировании сильного института адвокатуры.

Достаточно примеров, когда желаемые для адвокатов законопроекты или вызвали яростное сопротивление «силовиков» (например, о признании недопустимыми доказательств, полученных с нарушением порядка распределения защиты по назначению), или в результате их вмешательства существенно отличались от разработанной адвокатурой редакции (нормативное регулирование адвокатского запроса в части объема предоставляемой информации и сроков для ответа на запрос).

В связи с этим вполне очевидно, что генеральным направлением развития нормативного регулирования деятельности адвокатуры является именно второй способ – адвокатское корпоративное нормотворчество. Полагаем, что позиция адвокатского сообщества относительно каждой новой законодательной инициативы в сфере адвокатуры должна быть однозначной: максимальное сужение нормативного регулирования адвокатуры, реализуемого государственными органами, и передача максимальной части вопросов в компетенцию адвокатского самоуправления. Иной подход – действия во вред российской адвокатуре» [26, с. 11].

Не нужно долго объяснять, что адвокатское сообщество – более чем кто-либо понимает свои потребности, в том числе и в части нормативного регулирования института адвокатуры и адвокатской практики. Они могут сформулировать и принять правовой акт качественнее и быстрее, чем государственный орган, при этом результатом этой процедуры будет именно такая норма, какая была задумана

и нужна адвокатуры. Они достаточно мобильны: в случае изменения ситуации органы адвокатуры смогут оперативно скорректировать ранее принятую норму.

«В сектор государственного нормативного регулирования должны переходить только те вопросы, которые невозможно решить корпоративным нормотворчеством, например формирование прав и обязанностей лиц, которые еще не являются членами адвокатской корпорации (претенденты на статус адвоката), формулирование императивных норм для внеадвокатских структур и должностных лиц по вопросам адвокатуры и адвокатской деятельности (суды, следствие, дознание, органы власти и местного самоуправления и т. д.), расходование бюджетных средств (ставки и порядок оплаты субсидируемой юридической помощи) и другие подобного рода вопросы.

Порядок принятия органами адвокатуры корпоративных нормативных правовых актов закреплен Законом об адвокатуре в перечне полномочий органов адвокатских палат, а также в ряде процедурных норм. Более детально он урегулирован в Уставах адвокатских палат и принимаемых регламентах работы советов и комиссий» [32, с. 123].

За большой срок развития российской адвокатуры в ее современной структуре сформировались и определенные традиции в этом аспекте. Так, в Федеральной палате адвокатов РФ тема необходимости нормотворчества возникает на основании соответствующих сигналов от региональных адвокатских палат. Обозначенная регионом проблема сначала решается точно. Если же она снова проявляется, повторяется и начинает приобретать системный характер, то выносится на проработку соответствующей комиссии или рабочей группы, после чего обсуждается в Совете ФПА РФ для решения вопроса о необходимости (или отсутствия таковой) принятия общероссийского корпоративного нормативного акта. При этом наиболее важные вопросы передаются на рассмотрение Всероссийского съезда адвокатов.

«Нужно отметить, что по теме нормотворчества адвокаты высказывают совершенно противоположные оценки в отношении ФПА РФ: кто-то говорит о недостаточности корпоративного регулирования (таких подавляющее большинство), но есть и упреки в его избытке. Хотя при изложенном подходе Совета ФПА к нормотворческой деятельности вряд ли есть основания признать эти упреки объективными» [27, с. 80].

Не можем согласиться с доводами, что процедура корпоративного нормотворчества не является прозрачной. Принятию общероссийского корпоративного нормативного правового акта всегда предшествует широкая дискуссия на страницах адвокатских СМИ (прежде всего, «Адвокатской газеты» и на сайте «АГ») или не создается рабочая группа с самым широким представительством.

Все принятые органами ФПА РФ акты в обязательном порядке публикуются на сайте ФПА РФ, в Вестнике ФПА РФ, в «Адвокатской газете». Поисковые инструменты в этом массиве нормативных правовых актов еще далеки от совершенства. Но в готовящейся в настоящее время новой версии сайта ФПА РФ эта проблема будет решена.

«Аналогичный подход и в адвокатских палатах субъектов РФ. Все сайты региональных адвокатур содержат разделы о корпоративных нормативных правовых актах. Этот раздел является обязательным и в типовом сайте региональной АП, разработанном в ФПА РФ.

В адвокатуре действует вполне демократический порядок принятия решений, который совершенно не исключает возможности существования несогласного с принятым решением меньшинства. Что делать адвокату, если он не согласен с принимаемым корпоративным актом?

Во-первых, использовать возможность инициирования принятия корпоративного акта (если видится такая необходимость) путем обращения в уполномоченный орган адвокатского самоуправления. Во-вторых, принимать активное участие в его обсуждении и принятии, убеждать коллег в обоснованности своей позиции. Но если большинство все же приняло иное решение, то его следует исполнять. Другого варианта поведения демократический способ управления просто не предполагает».

Каких-либо препятствий для указанного участия в корпоративном нормотворчестве нет. Заседания советов адвокатских палат (за исключением дисциплинарных процедур) проходят в открытом режиме, как и собрания (конференции) адвокатов. Адвокатские СМИ всегда открыты к конструктивному обсуждению насущных проблем адвокатуры.

1.3 Конституционные основы адвокатской деятельности

Исходя из закрепленных в Конституции принципов правового государства, основанного на уважении прав личности, подчинении праву и обеспечении прав и свобод правосудием, в России признаются и гарантируются, в частности, права каждого на защиту своих прав и законных интересов всеми способами, не запрещенными законом, на судебную защиту, а также на разбирательство дела судом на основе состязательности и равноправия сторон [1].

Этими положениями востребуется особое, характерное для цивилизованного демократического общества предназначение юристов, профессионально обеспечивающих правовую поддержку в любых процедурах защиты прав.

Ими же обусловлено конституционное закрепление субъективного права каждого на квалифицированную юридическую помощь. Из системного анализа этих прав – как признаваемых и гарантируемых государством в их объективной взаимосвязи – следует, что судебная защита в состязательных процедурах и необходимое при этом получение квалифицированной юридической помощи, оказываемой в предусмотренных законом случаях бесплатно, предполагают привлечение к осуществлению названных прав дипломированных профессионалов-юристов.

«Гарантируемая государством квалифицированная юридическая помощь со стороны такого независимого по своему статусу специалиста, который в судебном процессе противостоял бы публичным институтам власти и мог бы способствовать также равенству перед судом участников гражданско-правовых

отношений, невозможна, если не обеспечены соответствующие условия для подготовки и допуска к оказанию квалифицированной юридической помощи специалистов, обладающих необходимыми профессиональными навыками в сфере права».

«В ряду других конституционных субъективных юстициарных прав, реализация которых в процедурах, предназначенных для определения прав и обязанностей или рассмотрения предъявляемого лицу публичного обвинения, служит эффективности средств правовой и, прежде всего, судебной защиты, право на квалифицированную юридическую помощь является необходимой ее гарантией.

В международных документах о правах человека право на профессиональную помощь юриста также рассматривается как одна из составляющих справедливого правосудия, поскольку без юридической поддержки реально не может быть обеспечено участникам процесса равенство в средствах защиты перед судом, тем более в случаях, когда государство «направляет свои правовые ресурсы на обвинение лица в совершении преступления».

Юриспруденция Конституционного Суда РФ демонстрирует сущностную взаимосвязь субъективных прав на судебную защиту и на квалифицированную юридическую помощь и, исходя из этого, признает оба данных права не подлежащими ограничению. Однако в систематике конституционно закрепленных субъективных прав, безусловно, каждое из них имеет свое содержание и сферу действия и не сводимо к другому.

«При обосновании в конституционном правосудии характера права на судебную защиту как абсолютного основной аргумент состоит в том, что обеспечение судебной защиты никогда не может противоречить перечисленным в Конституции РФ целям, ради достижения которых может потенциально считаться конституционно оправданным ограничение прав и свобод.

Конституционный текст и не предусматривает, то есть не допускает в отношении права на судебную защиту, полномочие законодателя по возможному ограничению данного права. С этих же позиций неограничиваемый характер признается и за правом на квалифицированную юридическую помощь, как оно закреплено в Конституции РФ, включая также ее получение (в определенных законом случаях) бесплатно для лица и право каждого задержанного и/или обвиняемого в совершении преступления пользоваться помощью адвоката-защитника» [30, с. 134].

Исходя из взаимосвязи прав на защиту любым не запрещенным законом способом, в том числе на судебную защиту и квалифицированную юридическую помощь, предполагается необходимым обозначить содержание не подлежащего ограничению, федеральным законодателем права на квалифицированную юридическую помощь.

Согласно конституционной норме по отношению к данному праву, действует общий для всех прав и свобод запрет такого нормативного регулирования, которое приводило бы к лишению этого права или умалению его содержания.

«Не подлежит ограничению законодателем равный доступ к юристам для всех лиц, находящихся на территории государства и в сфере его юрисдикции: исходя из принципа равенства, никто не может быть лишен права обратиться к юристу по своему выбору. Этому праву корреспондируют определенные вытекающие из Конституции РФ позитивные обязательства государства, которое, как указано в уже названном выше постановлении Конституционного Суда РФ от 28 января 1997 года: «гарантируя оказание именно квалифицированной юридической помощи, реализует правомочия по обеспечению подготовки обладающих необходимыми профессиональными навыками юристов и устанавливает с этой целью определенные профессиональные и иные квалификационные требования к адвокатам, а также условия допуска юристов и других лиц в качестве защитников и представителей в судебных процедурах» [25, с. 310].

«По смыслу Конституции РФ: «государство, за пределами организации юридического образования и определения необходимой для юридической поддержки защиты прав и свобод численности корпуса юристов, несет особую ответственность за предоставление квалифицированной юридической помощи, оказываемой независимыми по правовому и фактическому статусу ее субъектами, на которых нормативно возлагается публичная по своей природе функция субсидируемой государством юридической поддержки социально слабых членов общества в целях защиты их субъективных прав, а также признаваемая обязательной функция адвоката по защите от предъявляемых государством в уголовном судопроизводстве публичных обвинений». Это обеспечивается нормативным регулированием институтов специального допуска юристов к адвокатской деятельности, бесплатной квалифицированной юридической помощи и обязательного назначения адвоката-защитника.

Вместе с тем осуществляемая ими адвокатская квалифицированная юридическая помощь не является содержательным синонимом всех форм юридического консультирования и тем более не охватывает помощь в решении правовых вопросов и конфликтов, оказываемую пусть даже опытными юристами или неюристами в качестве представителей, переговорщиков, посредников, медиаторов, экспертов, предоставляющих свои услуги на коммерческой основе или pro bono. Использование такой поддержки и услуг, безусловно, может служить реализации конституционного права защищаться всеми не запрещенными законом способами и в том числе обратиться к суду. Качество же такой юридической помощи как квалифицированной при решении правовых вопросов в любых процедурах (при всей ее безусловной востребованности) не может в таком же объеме, как в сфере публичных правоотношений, гарантироваться государственным регулированием института допуска к профессии в целом и к участию, в частности, в конкретном деле, так как названные формы юридического обслуживания преобладают в сфере частноправовых отношений».

Невыполнение государством позитивных обязанностей по регулированию институтов подготовки и специального допуска юристов к оказанию квалифицированной юридической помощи фактически ограничивает

возможности ее получения, а значит, и само право на такую помощь, хотя бы законодателем и соблюдался запрет принятия ограничивающих данное право норм. И здесь очевидна аналогия с правом на судебную защиту: оно тоже не обеспечивается, если нет условий для осуществления конституционно провозглашенного независимого правосудия.

«Если конституционные ценности и принципы остаются неизменными, то такая ситуация в общем плане должна разрешаться в ходе правовых реформ. И, во всяком случае, каждый, чье право нарушено, может требовать его восстановления в национальной судебной системе или, если ее возможности исчерпаны, обратиться к наднациональной юрисдикции. При этом ясно, что государству приходится не только компенсировать вред, причиненный нарушением права в конкретном случае, но и инициировать разработку мер общего характера, чтобы избежать подобных нарушений и компенсаций в будущем.

В то же время нельзя отрицать, что используемые для осуществления права каждого на квалифицированную юридическую помощь механизмы, в большей или меньшей мере эффективные, как и благополучное или неблагополучное состояние дел с ее обеспечением, не могут служить оправданием каких-либо нарушений, ограничений или умаления других конституционно закрепленных способов правовой защиты, например права защищать свои права и свободы любым не запрещенным законом способом, в том числе по суду в состязательном процессе и с помощью разных юридических помощников. Выбор способов правовой защиты – при их конституционно-нормативной обеспеченности – остается не за законодателем, а за субъектом права».

Обращение в конституционной норме к фигуре адвоката текстуально связано только с защитой от уголовного преследования. То есть предусмотренные предписания о праве каждого на квалифицированную юридическую помощь, с одной стороны, и на обеспечение юридической поддержки со стороны адвоката-защитника в случае уголовного преследования (начиная с момента задержания лица по подозрению в совершении преступления или при наличии иных признаков направленной против него обвинительной деятельности), с другой стороны, не формулируются как идентичные.

«В процессе работы над проектом Конституции РФ рассматривалось также предложение конституционно закрепить положение о том, что юридическая помощь оказывается адвокатами. Однако такая позиция как ограничивающая способы правовой защиты и не согласующаяся с требованиями соразмерности ограничения прав целям защиты конституционных ценностей не была воспринята.

Согласно правовым позициям Конституционного Суда РФ: «право на помощь адвоката-защитника в ходе уголовного процесса является конкретизацией общего положения о праве на квалифицированную юридическую помощь, и поэтому последнее, по своей природе, не может быть ограничено «правом на адвоката». Право на участие адвоката-защитника в большей мере обнаруживает себя в качестве только одной из гарантий названных выше прав, закрепленных в Конституции РФ»».

«Во всяком случае, право на квалифицированную юридическую помощь предполагает возможность ее оказания не только адвокатами, но и другими юридическими помощниками, то есть лицами, не имеющими допуска к адвокатской деятельности.

Такая правовая позиция прямо сформулирована Конституционным Судом РФ относительно представительства по имущественным спорам в гражданском и арбитражном процессах со ссылкой именно на часть 1 статьи 48 Конституции РФ как обеспечивающую право выбрать в качестве юридического представителя не только адвоката, но и другое лицо, имеющее квалификацию юриста [1].

Иная интерпретация данной конституционной нормы сводила бы, по мнению Конституционного Суда РФ, право обратиться за квалифицированной юридической помощью только к одной ее форме или одной группе осуществляющих ее субъектов и тем самым серьезно сужала бы возможности доступа к средствам правовой защиты.

В уголовном же процессе – уже согласно части 2 статьи 48 Конституции РФ, исходя из особого значения этого вида судопроизводства не только для привлекаемого к уголовной ответственности лица (в связи с применяемыми к нему в ходе процесса ограничениями конституционных прав, а также тяжестью и характером возлагаемой в результате вынесения обвинительного приговора уголовной ответственности), но и для общества, поскольку необоснованность публичных обвинений опасна для всех, открывает дорогу к произволу, вызывает резкое разочарование властью и другие отрицательные социальные эмоции, препятствует пресечению и предотвращению преступлений, предъявляются повышенные требования и к качеству юридической помощи, и к судебному представительству – как к осуществляемым адвокатами. Следовательно, при обеспечении квалифицированной юридической помощи в разных процедурах предполагается также разный баланс ответственности государства, с одной стороны, и свободы выбора представителя – с другой».

Таким образом, конституционные предписания о праве на квалифицированную юридическую помощь, ее бесплатное предоставление, а в уголовном судопроизводстве непременно через участие адвоката имеют разную сферу действия и в разной степени «абсолютный», то есть неограничиваемый, характер. Право каждого на квалифицированную юридическую помощь признается неотторжимым и равным для всех (в этом смысле абсолютным) при рассмотрении правовых вопросов и конфликтов и вне судопроизводства, и во всех его видах, то есть по гражданским, административным и уголовным делам. Само понятие такой помощи в целях определения пределов позитивных обязательств государства по его обеспечению остается неуточненным.

«Хотя адвокатская поддержка защиты субъективных прав как одна из форм квалифицированной юридической помощи возможна во всех без исключения сферах, конституционное «право на адвоката» (ст. 48, ч.2) имеет абсолютный характер только в ходе защиты по уголовным делам. Этим обусловлены разные подходы при допуске юристов к профессиональному представительству и обязательному участию адвокатов в разных видах судопроизводства. Позитивные

обязательства государства в сфере адвокатской защиты по уголовным делам формулируются гораздо шире, что находит свое выражение не только в модальности конституционного предписания части 2 статьи 48, но и в развернутом регулировании согласно УПК РФ обязательности участия адвоката-защитника в уголовном процессе. Таким образом, обязанность государства обеспечивать адвокатскую юридическую помощь подозреваемому и обвиняемому имеет максимально широкую нормативную интерпретацию» [80].

«В УПК РФ, кроме предоставления подозреваемому и обвиняемому права на защиту, в том числе с помощью адвоката - защитника (ст. 16), предусмотрены случаи обязательного участия защитника, которое обеспечивается должностными лицами, ведущими расследование, и судом, если сам обвиняемый или по его поручению (либо с его согласия) другие лица не заключили соглашение с адвокатом (ст. 51). Такое участие гарантировано во всех случаях, когда подозреваемый, обвиняемый, подсудимый объективно может испытывать затруднения при участии в уголовном судопроизводстве – в силу несовершеннолетнего возраста, физических или психических недостатков, незнания языка, на котором ведется судопроизводство, а также когда лицо обвиняется в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше пятнадцати лет (в том числе если уголовное дело подлежит рассмотрению судом с участием присяжных заседателей), когда судебное разбирательство проводится в отсутствие подсудимого (в порядке, предусмотренном частью пятой статьи 247 УПК РФ), либо он заявил при согласии с предъявленным обвинением ходатайство о рассмотрении уголовного дела в упрощенном порядке (в соответствии с главой 40 УПК РФ). Участие защитника является обязательным также во всех других случаях, если обвиняемый не отказался от защитника или этот отказ не принят органами судопроизводства. При добровольном отказе подозреваемого, обвиняемого от услуг защитника в случаях обязательной защиты в соответствии со статьей 51 УПК РФ адвокат все равно должен быть назначен. При этом обязательное назначение защитника по УПК РФ, хотя бы и временно, но все равно субсидируется государством, даже если в дальнейшем эти расходы могут быть взысканы с осужденного. Конечно, нельзя отрицать полномочия законодателя расширять или сужать эту сферу ответственности государства за осуществление адвокатской защиты по уголовным делам, в том числе дополнительно урегулировать, расширить или сузить обязательное назначение адвоката, его процессуальные возможности, допускать или не допускать ограничения его статуса и прав на участие в доказывании, на контакты с подзащитным и конфиденциальность и т. д.»

Но параметры законодательной деятельности заданы Конституцией РФ и международным стандартом судебной защиты и справедливого правосудия. Качество регламентации права на адвокатскую поддержку по уголовным делам не может не оцениваться с точки зрения этих стандартов.

В то же время и в уголовном процессе, несмотря на то, что конституционная норма части 2 статьи 48 не знает исключений из права на адвоката для любого лица, которому грозит уголовное преследование, абсолютный характер этого

права не исключает ни отказа от участия адвоката, ни привлечения в качестве судебного представителя наряду с адвокатом также другого лица, поскольку не запрещено участие в качестве защитника нескольких представителей. Законодатель же, конкретизируя механизмы, существенные элементы, условия и пределы реализации права на адвоката, как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, должен соблюдать требования соразмерности и пропорциональности нормативного регулирования, как они сформулированы в части 3 статьи 55 Конституции РФ, руководствуясь названными в ней конституционно признаваемыми целями возможного ограничения прав по федеральному закону. То есть Конституционный Суд признает тем самым, что процедуры, в которых реализуется право на помощь адвоката, должны соответствовать строгим требованиям к ограничениям прав и, следовательно, само право может быть ограничено, но контроль за ограничениями такого рода имеет ясные правовые критерии» [1].

«Вторая область публичной ответственности и позитивных обязательств государства – обеспечение права на получение, согласно конституционному тексту, квалифицированной юридической помощи в предусмотренных законом случаях бесплатно – предполагается и применительно ко всем видам судопроизводства, и вне его. Такая формулировка, отсылающая к полномочиям законодателя определять случаи для предоставления бесплатной, а точнее субсидируемой государством, правовой поддержки, не позволяет говорить о неограничиваемом характере права на получение этого вида помощи юриста: круг его оснований и получающих поддержку субъектов как раз и ограничивается законом. Относительно не ограничиваемый характер этого права проявляется лишь в том, что оно обеспечивается без какой-либо дискриминации для всех лиц, которым оно предоставлено законом, и не может быть исключено из их правовых возможностей даже в условиях чрезвычайного положения (ч.3 ст. 56 Конституции РФ). Международные документы о правах человека в основном рассматривают право на юридическую помощь, оказываемую участникам судопроизводства бесплатно, лишь как способ реализации защиты по уголовным делам и не содержат прямых обязательных норм о доступе к субсидируемой государством юридической помощи по неуголовным делам»[12].

Это, однако, еще раз возвращает к вопросу о допустимости такого нормативного положения, при котором стандарт доступа к правосудию и равенства в средствах защиты перед судом не может рассматриваться как достижимый. К его решению нельзя не обращаться в ходе реализующих конституционную ответственность государства реформ системы квалифицированной юридической помощи, тем более на фоне программ введения адвокатской монополии, что не может не расширять сферу бесплатной адвокатской поддержки, притом что гарантировано право защищаться как перед судом, так и всеми другими не запрещенными законом способами.

Государственные гарантии квалифицированной помощи – за пределами судопроизводства по уголовным делам – могут обеспечиваться не только благодаря функциям адвокатуры, но и через другие структуры, действующие,

например, в целях предоставления бесплатной, субсидируемой государством юридической поддержки. Однако их организация не может противоречить принципам независимого профессионального юридического представительства, то есть они не должны являться государственными или коммерческими учреждениями. Иное, какими бы ни были стремления и лозунги, приводило бы к замене цели правозащитной деятельности по оказанию юридической помощи интересами государственной службы или коммерческими интересами. И то и другое не соответствует пониманию и конституционному предназначению не искажаемой конфликтом интересов правовой поддержки как позитивного обязательства власти во взаимоотношениях с гражданином.

«Согласно Федеральному закону от 31 мая 2002 года № 63–ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»: «на нее возлагается государством конституционная функция по защите в уголовном судопроизводстве, а также по оказанию бесплатной (субсидируемой государством) юридической помощи как по уголовным, так и по гражданским делам. Осуществляющая такую помощь, адвокатура как независимое профессиональное объединение адвокатов, не находящееся в системе государственных органов, именно как независимая самоуправляемая, некоммерческая корпорация, при строгом соблюдении установленных законом правил допуска к адвокатской деятельности может наиболее эффективно обеспечивать юридическую помощь гражданам в представительстве и защите их интересов в состязательных судебных процедурах, в том числе бесплатно».

Стандарты и процедуры юридической помощи не являются одинаковыми по уголовным и другим (неуголовным) категориям дел относительно не только назначения (выбора) адвоката, но и предоставления такой помощи бесплатно. В международно-правовых актах называются два существенных общих критерия предоставления субсидируемой государством юридической помощи: если этого требуют интересы правосудия и если нуждающиеся в юридической помощи лица не имеют достаточных средств для ее оплаты».

«Национальный законодатель, однако, в остальном обладает свободой усмотрения при определении условий и порядка ее предоставления. В Российской Федерации они определяются на основе Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 324–ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [10], а порядок и размеры оплаты труда адвокатов устанавливаются законами субъектов Федерации. Финансирование бесплатной (субсидируемой государством) юридической помощи осуществляется за счет федерального бюджета, а также за счет бюджета субъектов Федерации» [29, с. 188].

Названный выше Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» устанавливает (в ст. 20) как категории граждан, так и случаи, обуславливающие право на получение такой помощи, в том числе путем представительства адвокатами их интересов в суде. К этим категориям лиц отнесены: «граждане, доходы которых ниже прожиточного минимума, инвалиды, ветераны ВОВ и герои Российской Федерации, дети-инвалиды, а также оставшиеся без попечения родителей, граждане пожилого возраста,

несовершеннолетние, содержащиеся в профилактических учреждениях и воспитательных колониях для осужденных, психически больные и недееспособные, а также их опекуны (перечень этих категорий может быть расширен другими федеральными законами без внесения изменений в Федеральный закон о бесплатной юридической помощи)».

«Представительство указанных категорий граждан в судах обеспечивается государственным финансированием по делам о признании недействительными их сделок с жильем и признании прав на жилое помещение, на земельный участок, по делам о взыскании в их пользу алиментов, вреда, причиненного смертью кормильца или увечьем, о признании недееспособным, о реабилитации жертв политических репрессий, о принудительном помещении в психиатрический стационар. Фактически приведенное современное законодательство предоставляет право на получение субсидируемой государством юридической помощи сравнительно небольшому числу субъектов из социально уязвимых групп населения.

Однако действующее регулирование бесплатной юридической помощи нельзя признать соответствующим актуальным социально-экономическим реалиям и обеспечивающим единые подходы к позитивным обязательствам государства в связи с конституционными гарантиями доступа к справедливому правосудию, не допускающему дискриминацию» [33, с. 155].

Выводы по разделу 1

В первом разделе работы рассмотрены становление и развитие адвокатской деятельности в России, дана характеристика нормативного регулирования адвокатской деятельности, проанализированы её конституционные основы.

1 Историко-правовой анализ становления и развития адвокатской деятельности в России позволяет говорить о ее постоянном реформировании и изменении. В настоящее время адвокатская деятельность является квалифицированной юридической помощью, которая оказывается на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката в порядке, установленном законодательством РФ, физическим и юридическим лицам в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию.

2. Нормативно-правовое регулирование адвокатской деятельности основано на положениях Конституции РФ, имеющих в системе правовых норм высшую юридическую силу, и нормах международного права. Основным актом, регулирующим адвокатскую деятельность на территории России, является Закон об адвокатуре. Важным направлением развития нормативного регулирования деятельности адвокатуры является адвокатское корпоративное нормотворчество. В настоящее время позиция адвокатского сообщества относительно каждой новой законодательной инициативы в сфере адвокатуры направлена на максимальное сужение нормативного регулирования адвокатуры, реализуемого государственными органами, и передача максимальной части вопросов в компетенцию адвокатского самоуправления.

3. Конституционные основы адвокатской деятельности закреплены в Конституции РФ. Исходя из закрепленных в Конституции принципов правового государства, основанного на уважении прав личности, подчинении праву и обеспечении прав и свобод правосудием, в России признаются и гарантируются, в частности, права каждого на защиту своих прав и законных интересов всеми способами, не запрещенными законом, на судебную защиту, а также на разбирательство дела судом на основе состязательности и равноправия сторон.

2 РОЛЬ АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВА ГРАЖДАН НА КВАЛИФИЦИРОВАННУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ

2.1 Судебные способы защиты прав граждан

Главенствующая роль в государственно-правовом механизме обеспечения прав и свобод человека и гражданина принадлежит судебной защите.

Законом установлена возможность любому лицу обратиться в суд в целях защиты нарушенного или оспоренного (действительного или предполагаемого) права или охраняемого законом интереса.

«Право на судебную защиту провозглашено в части 1 статьи 46 Конституции Российской Федерации, гарантирующей каждому судебную защиту его прав и свобод.

Любые права и свободы подлежат судебной защите, в каком бы документе они ни были закреплены – в Конституции, отраслевых законах или нормативных или локальных правовых актах.

Это следует из смысла части 1 статьи 55 Конституции РФ, согласно которой сам факт перечисления в ней основных прав и свобод не должен толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, право на судебную защиту имеет универсальный характер.

В этом смысле часть 1 статьи 46 Конституции РФ находится в полном соответствии с требованиями, сформулированными в статье 8 Всеобщей декларации прав человека: «Каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его прав, предоставленных ему конституцией или законом» [39, с. 14].

Судебная защита в науке рассматривается как институт конституционного права, как общественное отношение и государственная функция.

Так же судебная защита отождествляется с правосудием или рассматривается как гарантия доступа к нему.

«В теории права судебная защита рассматривается как составная часть правоохранительной функции государства. Однако закономерное в правовом государстве усиление влияния судебной власти, ее обособление от

правоохранительных органов, выделение в самостоятельную ветвь государственной власти неизбежно приводят к перерастанию судебной защиты прав и свобод граждан в самостоятельную государственную функцию.

Право на судебную защиту содержится во всех видах судопроизводства, каковыми являются:

- конституционное судопроизводство;
- гражданское судопроизводство;
- административное судопроизводство;
- уголовное судопроизводство».

Все они в пределах своих полномочий призваны стоять на страже законных прав и свобод человека и гражданина.

На рисунке 1 показан рост количества дел, рассмотренных судами в период с 2016 по 2020 год

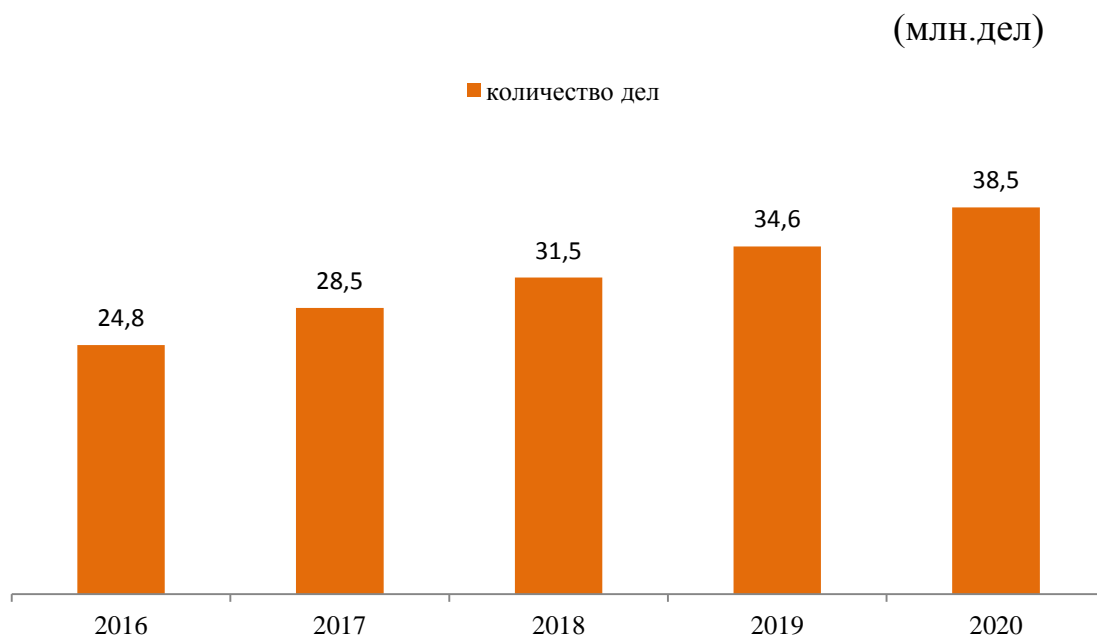

Рисунок 1 – Количество дел, рассмотренных судами РФ за 2016-2020 гг.

Так же на протяжении последних пяти лет наблюдается рост количества гражданских дел, рассматриваемых судами РФ (рисунок 2)

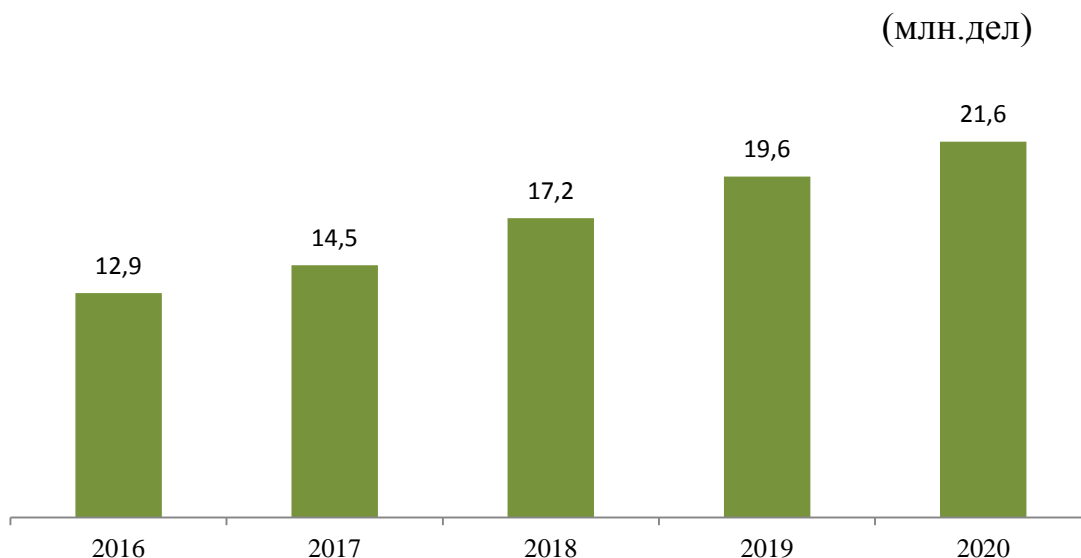

Рисунок 2 – Количество гражданских дел, рассмотренных судами РФ за 2016-2020 гг.

В 2020 году рассмотрено 230 тыс. дел по судебной защите трудовых прав граждан:

- дела о взыскании заработной платы (требования удовлетворены 97 %);
- дела о предоставлении гарантий и компенсаций в соответствии с трудовым законодательством (требования удовлетворены 83 %);
- дела о восстановлении на работе (требования удовлетворены 44 %);
- дела о возмещении ущерба, причиненного при исполнении трудовых обязанностей (требования удовлетворены 78 %).

Судебная защита прав потребителей в 2020 году составила 290 тыс. дел (рисунок 3)

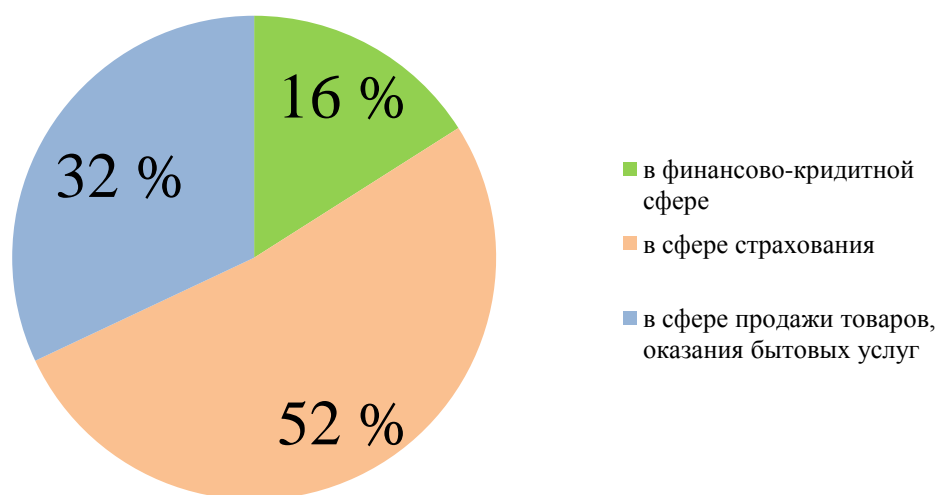

Рисунок 3 – Структура судебных дел в РФ о защите прав потребителей в 2020 году

Результатом рассмотрения судебных дел о защите прав потребителей в 2020 году стало 82 % удовлетворенных требований.

В 2020 году судами рассмотрено 8 млн. 980 тыс. дел по жилищным спорам, что на 980 тыс. больше чем в 2019 году. Правовая позиция ВС РФ: мораторий по начислению неустоек за неоплату коммунальных услуг (06.04.2020 – 01.01.2021) распространяется в том числе на задолженность возникшую до его введения.

В сфере семейных правоотношений рассмотрено 720 тыс. дел:

- расторжение брака и раздел имущества супругов – 51%;
- взыскание алиментов на несовершеннолетних детей – 31%
- лишение родительских прав – 4%;
- споры о воспитании детей – 3 %;
- усыновление (удочерение) – 1%;
- иные категории дел 10 %.

По судебной защите жилищных прав детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей рассмотрено 9,5 тыс. дел. Из них требования удовлетворены – 98 %. Правовая позиция ВС РФ: Обязанность органов власти субъектов РФ по обеспечению жильем детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей является безусловной и не предусматривает очередность предоставления жилья.

При рассмотрении судами требований в сфере охраны жизни и здоровья граждан:

- удовлетворены требования, связанные со страхованием жизни и здоровья – 96 %;
- удовлетворены требования о взыскании компенсации морального вреда в связи с причинением вреда жизни и здоровью – 92 %.

«В РФ установлено единообразие практики судов общей юрисдикции и арбитражных судов. С 2014 года по настоящее время принято 35 постановлений пленума ВС РФ, содержащие 2 тыс. правовых позиций.

Конституционная регламентация права на судебную защиту является точкой отсчета для российского законодательства о судостроительстве и судопроизводстве. Вместе с тем она выступает базисом и для практического правотворчества Конституционного Суда Российской Федерации (далее КС РФ), осуществляемого им путем формулирования общеобязательных правовых позиций.

Значительная часть дел, рассмотренных КС РФ, связана с реализацией права на судебную защиту.

Решения КС РФ, принятые по итогам проверки конституционности норм уголовно-процессуального, гражданского процессуального, арбитражного процессуального законодательства, направлены на последовательную конституционализацию этих отраслей и оказывают существенное влияние на их современное состояние» [5, с. 43].

При этом правовыми позициями КС РФ не только корректируются действующие нормы права, но и закладываются основы будущего регулирования судебной защиты прав и свобод граждан, призванного адекватно отразить положения Конституции РФ.

Интерпретация права на судебную защиту КС РФ происходит в результате казуального толкования части 1 статьи 46 Конституции РФ. Благодаря этому

данная норма приобретает не абстрактное значение, а реальное содержание и смысл. Суд высказывает правовые позиции о природе права на судебную защиту, о его месте в системе прав и свобод человека и гражданина, о гарантиях данного права и других его аспектах.

Конституционный Суд России, в частности, неоднократно подчеркивал, что право на судебную защиту является неотчуждаемым, лишение гражданина возможности прибегнуть к судебной защите для отстаивания своих прав и свобод противоречит конституционному принципу охраны достоинства личности (статья 21 Конституции Российской Федерации), из которого вытекает, что личность в ее взаимоотношениях с государством рассматривается как равноправный субъект, который может защищать свои права всеми не запрещенными законом способами (часть 2 статьи 45 Конституции Российской Федерации).

В практике конституционного правосудия выработаны подходы к определению системы гарантий права на судебную защиту, которые позволяли бы реализовать его в полном объеме.

К числу таких гарантий относится:

- доступность правосудия;
- требование рассмотрения дел законно установленным, а не произвольно выбранным составом суда, без предубеждения, полно, всесторонне и объективно;
- соблюдение правил о подсудности;
- наличие института судебного представительства;
- обеспечение состязательности и равноправия сторон, в том числе наделение сторон достаточными процессуальными правомочиями для защиты своих интересов при осуществлении всех процессуальных действий;
- предоставление государством возможности пересмотра дела вышестоящим судом в случае судебной ошибки;
- обеспеченность со стороны государства исполнения судебного решения и другие.

Это далеко не полный перечень правовых позиций КС РФ, интерпретирующих различные стороны содержания права на судебную защиту.

Содержанием правосудия по гражданским делам (гражданского судопроизводства) является своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан.

Судопроизводство по гражданским делам осуществляется судами общей юрисдикции и федеральными арбитражными судами.

В систему судов общей юрисдикции входят федеральные суды общей юрисдикции и мировые судьи.

«К федеральным судам общей юрисдикции относятся Верховный Суд Российской Федерации (далее ВС РФ), верховные суды республик, краевые и областные суды, суды городов федерального значения, суды автономной области и автономных округов, районные суды и военные суды. Мировые судьи являются судьями общей юрисдикции субъектов РФ.

Право на обращение в суд (право на предъявление иска) может быть реализовано также при наличии следующих предусмотренных гражданским процессуальным законодательством условий. Среди них:

- процессуальная правоспособность истца;
- подсудность и подведомственность дела данному суду;
- наличие у представителя истца надлежащим образом оформленных полномочий;
- должным образом составленное заявление (исковое требование);
- уплата в указанных законом случаях государственной пошлины.

Процессуальной правоспособностью обладают:

- 1) юридические лица, как созданные по законодательству РФ, так и иностранные.
- 2) физические лица, как граждане, так и иностранцы и лица без гражданства, процессуальная правоспособность которых возникает с момента рождения и прекращается со смертью.
- 3) Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования.
- 4) прокурор, органы государственной власти, органы местного самоуправления, иные органы, должностные лица, а также организации, не имеющие статуса юридического лица.
- 5) суд (мировой судья), секретарь судебного заседания, представители, эксперты, специалисты, свидетели, переводчики.

К предпосылкам реализации права на обращение за судебной защитой относят также подведомственность гражданского дела суду общей юрисдикции. Правила о подведомственности позволяют распределить дела между различными юрисдикционными органами, относя подавляющую их часть к компетенции судов общей юрисдикции.

Наличием достигнутой цели реализации права на обращение за судебной защитой обусловлены и положения пункта 4 статьи 129 Гражданского Процессуального Кодекса РФ (далее – ГПК РФ) о запрете в принятии заявления, если в производстве суда уже имеется дело по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям. С этим же связана недопустимость повторного возбуждения дела по тому же основанию и предмету по заявлению правопреемника какой-либо из сторон, по спору с участием которых состоялось решение или имеется дело, а также по заявлению прокурора и иных лиц в защиту интересов тех же сторон» [9].

Таким образом, суд обязан принять к производству исковое заявление при отсутствии оснований для его возвращения или оставления без движения, а также при отсутствии оснований для отказа в его принятии.

Отказ в принятии иска может последовать только при обнаружении ряда процедурных факторов, делающих невозможным исковое производство. Например, дело вообще неподведомственно суду, отсутствует требуемое законом предварительное внесудебное рассмотрение дела, имеется вступившее в законную силу решение суда по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям.

Эти правила в своей совокупности устанавливают тот процессуальный порядок, в рамках которого любое заинтересованное лицо вправе обратиться в суд за защитой нарушенного (оспариваемого) права или охраняемого законом интереса.

«Одной из гарантий государственной защиты конституционных прав на жизнь, свободу и личную неприкосновенность является обеспечение безопасности потерпевшего в остроконфликтном процессе уголовного судопроизводства.

Уголовное судопроизводство урегулировано нормами уголовно-процессуального закона.

В соответствии со ст. 6 Уголовного Процессуального Кодекса РФ (далее УПК РФ) «уголовное судопроизводство имеет своим назначением:

- 1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений;
- 2) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод».

В статье 6 УПК РФ выражен общественный интерес, который состоит в том, чтобы потерпевший был защищен от преступления и при этом никто не был обвинен безосновательно, что, по сути, означает приоритет соблюдения прав человека в уголовном процессе.

Приведенные положения статьи 6 УПК РФ не раскрывают в полном объеме назначение уголовного судопроизводства.

Так, в уголовно-процессуальной науке под судебной защитой понимается «совокупность организационных и процессуальных правил, предоставленных подозреваемому, обвиняемому и потерпевшему для защиты своих прав и законных интересов».

Проблема защиты прав потерпевших в России, как и в других государствах мира, является одной из важных и постоянно актуальных проблем уголовно-процессуального правоправедения и правоохранения.

Основные права потерпевших в судебном судопроизводстве, которые возникают у него в связи с событием преступления, четко закреплены в УПК РФ. Являясь лицом, которому преступлением причинены физический и имущественный ущерб, моральный вред или вред деловой репутации, потерпевший имеет в уголовном судопроизводстве собственные интересы, для защиты которых он в качестве участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения наделен правами стороны в судебном процессе».

«В соответствии с УПК РФ (статьи 22 и 24), потерпевший как самостоятельная фигура уголовного судопроизводства наделяется целым рядом прав:

- участвовать в уголовном преследовании обвиняемого;
- выдвигать и поддерживать обвинение;
- знать о предъявленном обвинении;
- давать показания;
- предъявлять доказательства;
- заявлять ходатайства и отводы;

- участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, проводимых по его ходатайству или ходатайству его представителя;
- знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием, и подавать на них замечания» [22, с. 97].

Тем не менее, данные уголовно-процессуальные нормы не являются в полной мере эффективными. Причем, не потому, что наделяют лицо, потерпевшее от преступления, недостаточными правами. Главная проблема в том, что все эти права возникают у него слишком поздно, только с того момента как дознаватель, следователь, прокурор или суд вынесут постановление о признании его потерпевшим. Пока же этого не произошло, лицо, потерпевшее от преступления, остается фактически бесправным.

Далее хотелось бы отметить, что обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту также признается принципом уголовного процесса, который закреплен в статье 16 УПК РФ. Особая значимость этого принципа объясняется тем, что вопрос о положении обвиняемого в уголовном процессе, об объеме его прав и характере процессуальных гарантий является составной частью вопроса о положении личности в государстве, о человеке, его правах и свободах.

Подозреваемый - субъект уголовного процесса, который участвует только при предварительном следствии и дознании. Если в отношении подозреваемого будут собраны доказательства, достаточные для его привлечения в качестве обвиняемого, он станет (по общему правилу) обвиняемым.

«Право подозреваемого на защиту – вся совокупность прав, предоставленных подозреваемому, его защитнику, законному представителю.

Подозреваемый имеет право:

- знать, в чем он подозревается;
- давать объяснения и показания по поводу имеющегося в отношении него подозрения либо отказаться от дачи показаний и объяснений;
- представлять доказательства;
- заявлять ходатайства и отводы;
- давать показания и объяснения на родном языке или языке, которым он владеет;
- пользоваться помощью переводчика бесплатно;
- знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием, и подавать на них замечания;
- участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, проводимых по его ходатайству, ходатайству его защитника либо законного представителя;
- приносить жалобы на действия (бездействие) и решения суда, прокурора, следователя, дознавателя и другие» [12, с. 98].

Принцип обеспечения права обвиняемого на защиту дает возможность обвиняемому как самому лично, так и с помощью защитника либо законного представителя, если таковой участвует в уголовном деле, доказывать свою невиновность либо приводить доводы и доказательства, смягчающие его ответственность или освобождающие от нее, в свою очередь, служит не только охране его законных прав и интересов, затрагиваемых или ограничиваемых

расследованием по делу, но и позволяет успешно решать задачи уголовного судопроизводства в целом.

Таким образом, право обвиняемого на защиту является совокупностью процессуальных прав, предоставленных законом обвиняемому, его защитнику и законным представителям, направленных как на установление невиновности лиц или обстоятельств, смягчающих его ответственность, так и на защиту прочих его законных интересов: чести, достоинства, жизни, здоровья, личной свободы и имущества.

Результативная борьба с преступностью в настоящее время невозможна без развития и усиления уголовно-процессуальных гарантий прав личности, вовлеченной в орбиту уголовного судопроизводства, в первую очередь это касается обвиняемого.

Таким образом, следует отметить, что в современный период развития уголовно-процессуальной науки проблемы реализации права человека и гражданина на защиту являются одними из самых актуальных, что обуславливает необходимость приведения процессуального статуса участников уголовного процесса в соответствие, как с конституционными нормами, так и с нормами и принципами международного права.

Приведем примеры из судебной практики.

«Постановлением от 21 января 2020 года № 3–П КС РФ дан оценку конституционности положения статьи 54 ГПК РФ [17]. Оспоренное положение являлось предметом рассмотрения в той мере, в какой оно связывает право на обжалование судебных постановлений по делу о признании гражданина недееспособным через лично избранного данным гражданином адвоката с наличием доверенности, специально наделяющей адвоката правом на обжалование судебных постановлений. Оспоренное положение во взаимосвязи с положением части третьей статьи 284 ГПК РФ признано не противоречащим Конституции РФ, поскольку в системе действующего правового регулирования оно не предполагает возможности отказа суда в рассмотрении по существу жалоб адвоката, направленных на оспаривание решения суда о признании гражданина недееспособным и поданных адвокатом, действующим на основании ордера, по мотиву отсутствия у адвоката выданной этим гражданином доверенности, специально оговаривающей его полномочие на обжалование судебного постановления, если из конкретных обстоятельств следует, что адвокат действует в интересах и по воле этого гражданина»

Постановлением от 28 апреля 2020 года № 21–П КС РФ дан оценку конституционности положений статей 15 и 1064 ГК РФ [18]. Указанные взаимосвязанные положения являлись предметом рассмотрения в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования на их основании решается вопрос о взыскании с обвиняемого расходов потерпевшего на оплату услуг представителя (адвоката) по уголовному делу частного обвинения, прекращенному за отсутствием в его действиях состава преступления в связи с декриминализацией деяния.

«Оспоренные положения признаны не соответствующими Конституции РФ в той мере, в какой по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой в системе действующего правового регулирования, в том числе с учетом положений статей 131 и 132 УПК РФ, они не обеспечивают надлежащего уровня правовой определенности применительно к возмещению в разумных пределах необходимых расходов, понесенных потерпевшим (частным обвинителем) на оплату услуг представителя (адвоката) по уголовному делу частного обвинения, прекращенному за отсутствием состава преступления в связи с декриминализацией деяния» [8].

В заключении хотелось бы подчеркнуть, что обеспечение права на судебную защиту возможно лишь при создании надлежащих структур, законодательном закреплении соответствующих процедур и механизмов, с помощью которых человек сможет добиться защиты нарушенных прав и интересов.

На современном этапе развития России, уровень прав человека и гражданина носит противоречивый характер, поэтому самым действенным механизмом реализации и защиты прав человека и гражданина может стать судебная система, несмотря на все присущие ей недостатки.

Судебный порядок восстановления нарушенных прав является наиболее совершенным из всех известных мировой человеческой цивилизации методов и средств обеспечения прав личности, поэтому все еще имеющая место противоречивость, несбалансированность и пробельность нашего законодательства, конечно, требует его приведения в соответствие с международно-правовыми актами о правах человека и Конституцией РФ.

2.2 Внесудебные способы защиты прав граждан

«Внесудебный» означает находящийся за пределами судопроизводства, не связанный с судом, осуществленный самостоятельно без суда и следствия.

«Внесудебные формы защиты прав и свобод» являются устоявшейся правовой категорией, получившей свое признание и развитие как в российской, так и зарубежной юридической науке и практике в сфере гражданско-правовых, трудовых и административно-правовых отношений, определяющих сущность методологического подхода к пониманию и характеристике разрешения самостоятельного разрешения личностью социальных конфликтов без обращения к правоохранительным органам».

Уголовно-правовая наука и криминология не имеют понятия или признака, характеризующего делегированное государством и регламентированное в уголовном законе право любому лицу на осуществление самостоятельной защиты своих прав и свобод в рамках необходимой обороны, крайней необходимости и причинения вреда лицу, совершившему преступление, а также осуществления самосуда над причинителем вреда посредством совершения общественно опасных деяний.

«Вместе с тем по объективным причинам государство не всегда способно оказать необходимую помощь в защите прав и свобод всех лиц.

Именно поэтому Конституция РФ субсидиарно предоставила каждому лицу право самостоятельно защищать свой правовой статус в любой сфере общественных отношений всеми не запрещенными законом способами (ч. 2 ст. 45), т. е. делать это во внесудебном порядке, поскольку правосудие в России осуществляется только судом (ч. 1 ст. 118 Конституции РФ)» [1].

«Развивая данное конституционное положение УК РФ предоставил право каждому лицу самостоятельно (внесудебно) защищать свои права и свободы, а также права и свободы иных лиц от общественно опасных посягательств в условиях некоторых обстоятельств, исключая преступность деяния, таких как необходимая оборона (ст. 37), причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 38), и крайняя необходимость (ст. 39)» [6].

Вместе с тем превышение пределов этой защиты признается преступлением. Помимо этого отдельные лица проявляют активность по защите своих прав и свобод, а также прав и свобод иных лиц, учиняя самосуд над причинителем вреда, осуществляя его с помощью общественно опасных деяний, что предопределено достаточно сильной ролью обычного права (обычаев), сохранившего свои позиции в системе общественных отношений до настоящего времени, а также рядом негативных обстоятельств, связанных с отправлением правосудия.

«Совершение деяний в порядке необходимой обороны и крайней необходимости, а также подобный самосуд имеют достаточную распространенность в исправительных учреждениях, поскольку в них сконцентрирована наиболее криминализованная часть общества.

Наряду с изложенным в настоящее время среди российской научной общественности все большую актуальность приобретает вопрос о целесообразности включения в сферу уголовно-правовых отношений такой внесудебной формы защиты прав и свобод личности, как медиация, уже достаточно успешно применяемой в данных отношениях в некоторых зарубежных странах (например, в Австрии, Бельгии, Финляндии, Франции, Германии, Польши, Словении)».

Перечисленные обстоятельства в своей совокупности представляют собой систему внесудебных форм защиты прав и свобод личности в сфере уголовно-правовых отношений.

«Анализ судебно-следственной практики о привлечении к уголовной ответственности лиц, осуществивших защиту своих прав и свобод, а также прав и свобод иных лиц в порядке указанных обстоятельств, исключая преступность деяния, позволяет сделать вывод что, несмотря на внесение ряда изменений и дополнений в ст. 37 УК РФ, принятие в 2012 г. ВС РФ постановления, разъясняющего судьям применение законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление, а также немалое число научных трудов по проблемам нормативной регламентации и применения статей 37-37 УК РФ, эта практика до сих пор далека от совершенства, поскольку в ней присутствуют ошибки и просчеты, благодаря которым эти лица в ряде случаев несправедливо привлекаются к данной ответственности, что формирует негативное отношение общества к государству и является серьезной

уголовно-правовой проблемой, требующей продолжения поиска для своего оптимального решения» [38, с. 13].

В свою очередь осуществление самосудных расправ над причинителями вреда посредством преступных деяний, а так же превышение условий правомерной реализации указанных обстоятельств, исключая преступность деяния, является довольно серьезной социально-криминологической проблемой для современной России, поскольку эти расправы имеют не только неправомерный характер, но и реанимируют в обществе первобытные механизмы разрешения социальных конфликтов, подрывают авторитет официального правосудия, способствуют росту преступности, главным образом насильственной, а также девальвируют позитивный облик страны на мировой политической арене, как цивилизованного, правового государства.

Таким образом, внесудебная защита личностью своих прав и свобод в сфере уголовно-правовых отношений представляет собой крупную социальную проблему. Внесудебные формы защиты прав и свобод личности, исключая преступность деяния, обладают социальной полезностью и допустимостью. Поэтому государство санкционирует их осуществление и исключает противоправность в случае соблюдения указанных в уголовном законе условий.

«На основании анализа нормативной регламентации, фундаментальных теоретических источников уголовно-правовой науки, изучения обстоятельств осуществления необходимой обороны выделены две группы условий ее легитимности:

- 1) относящиеся к посягательству;
- 2) к защите от него.

В первую входит характер совершенного посягательства, его наличность и реальность. Во вторую:

- причинение вреда только посягающему лицу;
- соразмерность вреда, причиняемого посягающему, с характером и опасностью его посягательства;
- соответствие защиты временным рамкам посягательства;
- универсальность этого права.

Защита в рамках необходимой обороны допустима от любых общественно опасных деяний:

- действий или бездействий;
- умышленных и неосторожных;
- единичных, длящихся или продолжаемых;
- совершаемых как на стадии приготовления, так и покушения» [8, с. 33].

Наличность посягательства, от которого допустима необходимая оборона, означает, что посягательство фактически началось, но еще не закончилось. Реальность характеризуется его объективизацией, т. е. выполнением посягающим лицом действий, входящих в его объективную сторону.

«Эти признаки посягательства должны полностью осознаваться и пониматься защищаемым лицом. Необходимая оборона допустима не только от самого посягательства, но и от угрозы его совершения, которая должна носить реальный

характер, т. е. не быть продуктом воображения защищаемого лица. Данная оборона возможна от деяний любых лиц. Исключение составляют правомерные действия должностных лиц, находящихся при исполнении своих служебных обязанностей. Вред при необходимой обороне может быть причинен только посягающему лицу или лицам. Допустимый характер защитных действий от группового посягательства в отношении каждого из участников группы прямо пропорционален совокупной общественной опасности этого посягательства. При этом осуществление этих действий в отношении каждого из участников группового посягательства допустимо до тех пор, пока все они не прекратят свои посягающие действия и не откажутся от своих общественно опасных намерений. При необходимой обороне допустимо использование специальных не запрещенных законом самосрабатываемых приспособлений или устройств, в том случае, если будут соблюдены все условия их правомерного применения и при этом были предприняты все информационные меры об их наличии» [27, с. 62].

Право на необходимую оборону принадлежит любому лицу независимо от каких-либо обстоятельств, в том числе от наличия или отсутствия у него возможности избежать общественно опасного деяния или обратиться за помощью к иным лицам. Этим правом наделено и посягающее лицо в случае превышения нормативных границ данной обороны защищаемым лицом. В случаях провокации необходимой обороны лицо привлекается к уголовной ответственности на общих основаниях.

«Необходимая оборона имеет нормативные условия своей легитимности, превышение которых влечет привлечение к уголовной ответственности. Не ограничивается только защита от общественно опасного посягательства, связанного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, или вследствие неожиданности посягательства, при котором лицо не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения. В остальных случаях она должна соответствовать характеру и опасности посягательства».

Условия легитимности задержания лица, совершившего преступление, можно разделить на две группы:

- 1) относящиеся к основаниям задержания;
- 2) к действиям задерживающего.

В первую группу входят:

- цель задержания;
- основание задержания;
- стадия совершения преступления, на которой допустимо задержание;
- характеристики задерживаемого лица.

Во вторую группу входят:

- универсальность этого права;
- корреспондированность причиняемого вреда признакам вынужденности и допустимости.

«Внесудебные формы защиты прав и свобод личности, исключаяющие преступность деяния, являются частью системы обеспечения безопасности

личности и обладают важной функцией по формированию в обществе нетерпимого отношения к нарушителям правопорядка, готовности самостоятельно реагировать на противоправные деяния с их стороны.

В узаконении данных форм проявляется сотрудничество государства с гражданским обществом в сфере борьбы с преступностью.

Вместе с тем анализ публичного реагирования на внесудебные формы защиты прав и свобод личности, исключаяющие преступность деяния, позволяет говорить о продолжении практики несправедливого привлечения к уголовной ответственности, «обвинительном уклоне» за реализацию этих форм, что в целом придает данным формам защиты статус юридических фикций» [11, с. 199].

УК РФ занимает двойственное положение относительно обороняющегося, задерживающего или устраняющего опасность лица: с одной стороны, он защищает его, предоставляя право обеспечить личную безопасность или безопасность иных лиц, интересов общества или государства, а с другой, – обращает в объект уголовно-правового воздействия в случае превышения им условий легитимности необходимой обороны, крайней необходимости и причинения вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании.

«Привлечение к уголовной ответственности за превышение нормативных границ исследуемых нами форм защиты прав и свобод личности, даже если впоследствии были вынесены оправдательные приговоры, оказывает на общество неблагоприятное морально-нравственное давление, в определенной степени предостерегающее от попыток самостоятельно защищаться от причинителей вреда, задерживать их или устранять источник грозящей опасности, в итоге обуславливающее негативное отношение к правоохранительным органам и государству в целом.

В силу этого рассматриваемые формы нуждаются в совершенствовании своего нормативного регулирования и выработке мер по повышению эффективности практики их реализации, отвечающих криминологической ситуации в стране и принципу социальной справедливости.

При этом необходимо понимать, что только от правильного реагирования государства на осуществление гражданами своих прав на необходимую оборону, крайнюю необходимость и причинение вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании будет зависеть их вовлеченность в практику противодействия преступности.

Наиболее позитивными и конструктивными особенностями правовой регламентации, внесудебных форм защиты прав и свобод личности, исключаяющих преступность деяния, в зарубежных странах, заслуживающими научного внимания и рассмотрения вопроса об их имплементации в отечественный уголовный закон и юридическую практику, являются:

- конкретизация условий наступления права на необходимую оборону, крайнюю необходимость и причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, и оснований их превышения;
- учитывание при определении легитимности данных обстоятельств обстановки происходящего;

- выделение привилегированных условий, при которых лицо либо освобождается от уголовной ответственности, либо не освобождается от нее, но может рассчитывать на смягчение наказания;
- привлечение к уголовной ответственности за действия при крайней необходимости только в том случае, если они принесли больший вред, чем вред предотвращаемый;
- регламентация юридической и фактической ошибки при необходимой обороне и крайней необходимости; правовая регламентация условий применения оружия при реализации данных форм;
- привлечение к ответственности за провокацию необходимой обороны и крайней необходимости;
- возникновение права на необходимую оборону у посягающего лица».

Юридическая практика по освобождению от уголовной ответственности за реализацию внесудебных форм защиты прав и свобод личности, исключающих преступность деяния, или привлечению к данной ответственности за превышение нормативных пределов данных форм нуждается в своем совершенствовании.

2.3 Альтернативные способы разрешения спора

Конфликты являются неотъемлемой частью жизни общества. Они возникают в разных сферах, протекают по-разному и соответственно разрешаются.

Правильное разрешение конфликта позволяет обеим сторонам выйти из него с наименьшими потерями и лучшими последствиями.

«Правовой конфликт приобретает более формализованные характеристики и становится спором, который традиционно рассматривается государственным органом, чаще всего которым им выступает компетентный государственный суд.

Зачастую суд не учитывает истинные интересы сторон, судебный процесс требует вложения материальных и эмоциональных ресурсов, иногда конфликт в результате судебной процедуры на самом деле не разрешается.

Однако в процессе развития общества, были сформированы иные способы разрешения конфликтов, в том числе и правовые, которые позволяют их разрешить более эффективно и с меньшими издержками» [19, с. 81].

В связи с распространением коронавирусной инфекции (COVID-19) деятельность государственных судов на территории России ограничена, в связи с чем особо актуальными становятся альтернативные способы разрешения споров, такие как переговоры, медиация и арбитраж.

«В процессуальное законодательство России были внесены изменения, касающиеся альтернативных способов урегулирования споров, вступившие в силу осенью 2019 года.

Соответствующие изменения были внесены в АПК РФ, ГПК РФ, Кодекс административного судопроизводства РФ, а также в Основы законодательства РФ о нотариате, Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации», Федеральный закон «Об органах судейского сообщества в РФ», Федеральный закон «Об исполнительном производстве» и Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – ФЗ «О процедуре медиации»).

Перед принятием искового заявления к производству суд информирует стороны о возможности и об особенностях проведения примирительных процедур.

Примирительные процедуры проводятся либо по предложению суда (с согласия сторон спора), либо по ходатайству стороны (сторон) спора. По достижении согласия о проведении примирительной процедуры суд выносит соответствующее определение и при необходимости откладывает разбирательство.

К основным видам примирительных процедур закон относит переговоры и посредничество в двух формах (с привлечением медиатора или судебного примирителя).

«Согласно части 2 статьи 138 АПК РФ стороны могут урегулировать спор, заключив мировое соглашение или применяя другие примирительные процедуры, в том числе процедуру медиации, если это не противоречит федеральному закону.

Примирительные процедуры рассматриваются в качестве методов разрешения спора, которые направлены на взаимоприемлемое урегулирование и разрешение возникших разногласий на основе добровольного волеизъявления сторон. При этом стороны могут примириться как до обращения в суд, так и на любой стадии арбитражного процесса и при исполнении судебного акта.

Наиболее популярными примирительными процедурами на сегодняшний день являются переговоры и медиация, результатами которых является выработка сторонами наиболее оптимального решения конфликтной ситуации.

Переговоры – примирительная процедура, с помощью которой стороны урегулируют возникшие разногласия непосредственно или при содействии своих доверенных лиц без привлечения независимой третьей стороны. В итоге стороны самостоятельно урегулируют конфликт» [31, с. 55].

Медиация – процедура урегулирования конфликта, в которой участвуют равноправные стороны на основе добровольного согласия и сотрудничества, а также нейтральное и независимое лицо (медиатор), содействующее сторонам в урегулировании конфликта и достижении ими взаимовыгодного соглашения

Указанные примирительные процедуры обладают рядом положительных качеств.

1. Эффективность: договоренности, достигнутые сторонами в процессе проведения примирительных процедур, исполняются чаще, чем судебные решения.

2. Невысокие затраты: использование примирительных процедур не влечет необходимость несения судебных расходов; в случае заключения сторонами мирового соглашения возвращается 50 % госпошлины.

3. Оперативность: при желании можно урегулировать спор за небольшой временной промежуток.

4. Сохранение деловых связей: в случае примирения деловые отношения сторон не только сохраняются, но и станут еще крепче.

5. Сотрудничество и равноправия сторон: в процессе поиска вариантов урегулирования спора стороны должны содействовать друг другу в достижении конечного результата. Равноправие сторон обеспечивается тем, что ни одна из сторон не имеет преимуществ по отношению к другой.

6. Конфиденциальность: информация и документы, используемые при проведении примирительных процедур, не подлежат разглашению, если иное не предусмотрено соглашением сторон, что позволяет избежать разглашения конфиденциальной информации.

7. Нацеленность на удовлетворение интересов каждой из сторон: использование примирительных процедур позволяет удовлетворить действительные интересы сторон.

8. Выбор посредника (медиатора): при использовании некоторых примирительных процедур стороны вправе самостоятельно выбрать лицо, содействующее урегулированию спора, что вызывает доверие сторон к такому лицу и укрепляет авторитет результата примирения [28, с. 99].

Для того чтобы воспользоваться примирительными процедурами в арбитражном процессе, необходимо обратиться к судье с письменным ходатайством об объявлении перерыва в судебном заседании (для проведения переговоров) или об отложении судебного разбирательства (для проведения переговоров или процедуры медиации).

«Результатом примирения в арбитражном процессе могут явиться:

- мировое соглашение (соглашение) (ст.ст. 139–142 АПК РФ; гл. 15, ст. 190 АПК РФ);
- отказ от иска (требований) (ч. 2 ст. 49 АПК РФ);
- признание иска (требований) (ч. 3 ст. 49 АПК РФ);
- признание фактических обстоятельств дела (ст. 70 АПК РФ);
- заключение соглашения о признании обстоятельств дела (ст. 70 АПК РФ)».

Переговоры могут происходить как до, так и после возбуждения дела в суде в устной или/и в письменной формах.

Особой разновидностью переговоров в письменной форме является претензионный порядок урегулирования конфликтов. Различают два вида претензионного порядка урегулирования споров: обязательный и добровольный.

«В Законе о медиации предусмотрена возможность проведения процедуры медиации, как в порядке досудебного разрешения спора, так и в рамках рассмотрения дела в суде.

Процедура медиации предусматривает, что медиатор не навязывает сторонам свое решение конфликтной ситуации, не занимает чью-то сторону, а фокусирует внимание на интересах сторон, которые сами принимают решение по всем ключевым вопросам.

Медиатор вправе проводить конфиденциальные встречи с каждой стороной спора, с тем чтобы получить от них дополнительную информацию, имеющую важное значение для успешного урегулирования конфликта, но которую стороны по каким-либо причинам не могут доверить друг другу. Это помогает определить их общие интересы.

Для проведения процедуры медиации могут быть привлечены как конкретные медиаторы, так и организации, осуществляющие деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, одним из основных видов деятельности которых является деятельность по организации проведения процедуры медиации (п. 4 ст. 2 Закона о медиации)».

Деятельность медиатора может осуществляться как на профессиональной, так и на непрофессиональной основе.

Осуществлять деятельность медиатора на непрофессиональной основе могут лица, достигшие возраста восемнадцати лет, обладающие полной дееспособностью и не имеющие судимости.

Осуществлять деятельность медиаторов на профессиональной основе могут лица, достигшие возраста двадцати пяти лет, имеющие высшее образование и получившие дополнительное профессиональное образование по вопросам применения процедуры медиации.

Медиаторами не могут быть лица, замещающие государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, должности государственной гражданской службы, должности муниципальной службы, если иное не предусмотрено федеральными законами.

«Медиатор не вправе:

- быть представителем какой-либо стороны;
- оказывать какой-либо стороне юридическую, консультационную или иную помощь;
- осуществлять деятельность медиатора, если при проведении процедуры медиации он лично (прямо или косвенно) заинтересован в ее результате, в том числе состоит с лицом, являющимся одной из сторон, в родственных отношениях;
- делать без согласия сторон публичные заявления по существу спора.

Процедура медиации по спорам, переданным на рассмотрение суда или третейского суда до начала проведения процедуры медиации, может проводиться только медиаторами, осуществляющими свою деятельность на профессиональной основе».

Таким образом, переговоры представляют собой процесс поиска решения по какому-либо спорному вопросу, в котором участвуют две стороны, однако в переговоры на каждой стороне также могут вступать и представители сторон или иные лица, помогающие им, однако они не могут формально принимать решения. Данный вид является наименее определенным, то есть стороны обладают большой свободой в определении процедуры разрешения спора. Отличительной особенностью данного способа можно также считать стремление сторон к сохранению отношений.

«В результате разрешения спора с помощью переговоров стороны могут заключить самостоятельно соглашение, которое будет иметь юридическую силу. Переговоры в России на законодательном уровне практически не регулируются, их пределы установлены только общими принципами права, законности и нравственности. Это связано с теми принципами, которые характеризуют переговоры. Так, в Гражданском праве переговоры урегулированы только в части переговоров, которые ведутся о заключении договора. Статья 434.1. ГК РФ закрепляет принципы ведения таких переговоров и ответственность за их нарушение.

Арбитраж представляет собой форму разрешения споров, в процессе которой участвует третья сторона (арбитр), которая выносит обязательное к исполнению решение, обжалование которого возможно в судебном порядке. Такая форма в России уже более жестко регламентирована специальными законами в отношении принципов организации и деятельности. Арбитраж обладает такими положительными чертами, как срок рассмотрения спора значительно меньший по сравнению с государственным судом), право выбора арбитра, выбор арбитражного суда со своим регламентом» [8, с. 199].

«Медиация является добровольной процедурой, при которой разрешение спора происходит сторонами при участии посредника, способствующего поиску решения [9, с. 104]. Медиация по форме является более свободной, так как

стороны могут влиять на нее, по срокам она длится также значительно меньше судебного разбирательства. Также во время нее создается более приятная эмоциональная обстановка, которая способствует урегулированию конфликта» [9, с. 111].

Итак, альтернативные способы разрешения споров как система возникли в XX в. и их развитие продолжается. Постоянно появляются новые формы и усложняются предыдущие. В целом, такая система способов является положительным явлением, которое позволяет не только формально решить спор в судебном органе, но и урегулировать конфликт в целом между сторонами, более полно удовлетворить их потребности. Несмотря на их развитие как альтернативы государственному суду, при рассмотрении спора судом теперь также используются зачастую технологии из альтернативных способов, что позволяет делать это более эффективно.

Выводы по разделу 2

Во втором разделе работы рассмотрена роль адвокатской деятельности в обеспечении права граждан на квалифицированную юридическую помощь, дана характеристика судебным способам защиты прав граждан, рассмотрены внесудебные способы защиты прав граждан и изучены альтернативные способы разрешения спора.

Итак, права человека закреплены во второй главе Конституции РФ, а также в ратифицированных Россией международных соглашениях.

В первую очередь права граждан защищает Основной закон страны – Конституция. В главе 2 прописано, что человеку в России гарантированы право на жизнь, достоинство, безопасность, свободу и личную неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, ознакомление с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, неприкосновенность жилища, определение и указание своей национальной принадлежности, пользование родным языком, право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства, свободно выезжать за пределы РФ и беспрепятственно возвращаться. Гарантированы свобода совести и вероисповедания, мысли и слова, право на информацию.

Также граждане РФ имеют право на объединение (гарантированы свобода союзов, партий), на собрания, митинги, демонстрации, шествия, пикетирования, участие в управлении делами государства, право избирать и быть избранным, а также право обращаться в государственные органы.

Кроме того, Конституцией гарантированы социальные, экономические, культурные права - полный список прав и свобод есть в соответствующей главе Основного закона.

Отдельно права и свободы защищены кодексами и отдельными законами.

Так, в частности, трудовые права граждан защищает ТК РФ. В статье 3 прописано: «каждый имеет равные возможности для реализации своих трудовых прав». Никто не может быть ограничен в трудовых правах и свободах.

СК РФ защищает права детей и семьи: «семья, материнство, отцовство и детство в Российской Федерации находятся под защитой государства».

В ГК РФ указано, что «гражданское законодательство основывается на признании равенства участников регулируемых им отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты».

Закон «О защите прав потребителей» устанавливает права потребителей на приобретение товаров, работ и услуг надлежащего качества и безопасных для жизни, здоровья, имущества потребителей и окружающей среды, получение информации о них и об их изготовителях, исполнителях и продавцах, о владельцах агрегаторов информации о товарах и услугах, просвещение, государственную и общественную защиту их интересов.

В России существует Уполномоченный по правам человека. Должность Уполномоченного по правам человека в РФ учреждена в целях обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами. Уполномоченный, в частности, рассматривает жалобы граждан РФ и находящихся на территории России иностранных граждан и лиц без гражданства и принимает необходимые меры по защите прав человека по собственной инициативе в случае, если ему поступила информация о массовых или грубых нарушениях прав и свобод граждан, либо в случаях, имеющих особое общественное значение или связанных с необходимостью защиты интересов лиц, не способных самостоятельно использовать правовые средства защиты.

1. Важная и основная роль в государственно-правовом механизме обеспечения прав и свобод человека и гражданина принадлежит судебной защите.

Любой человек может обратиться в суд в целях защиты нарушенного или оспоренного (действительного или предполагаемого) права или охраняемого законом интереса. Право на судебную защиту провозглашено в части 1 статьи 46 Конституции Российской Федерации, гарантирующей каждому судебную защиту его прав и свобод. Любые права и свободы подлежат судебной защите, в каком бы документе они ни были закреплены – в Конституции, отраслевых законах или нормативных или локальных правовых актах.

Судебный порядок восстановления нарушенных прав является наиболее совершенным из всех известных мировой человеческой цивилизации методов и средств обеспечения прав личности, поэтому все еще имеющая место противоречивость, несбалансированность и пробельность нашего законодательства, конечно, требует его приведения в соответствие с международно-правовыми актами о правах человека и Конституцией РФ.

2. Государство не всегда способно оказать необходимую помощь в защите прав и свобод всех лиц. Конституция РФ субсидиарно предоставила каждому лицу право самостоятельно защищать свой правовой статус в любой сфере общественных отношений всеми не запрещенными законом способами, т.е. делать это во внесудебном порядке, поскольку правосудие в России осуществляется только судом.

УК РФ предоставил право каждому лицу самостоятельно (внесудебно) защищать свои права и свободы, а также права и свободы иных лиц от общественно опасных посягательств в условиях некоторых обстоятельств, исключающих преступность деяния, таких как необходимая оборона, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, и крайняя необходимость.

3. В связи с распространением коронавирусной инфекции (COVID-19) деятельность государственных судов на территории России ограничена, в связи с чем особо актуальными становятся альтернативные способы разрешения споров, такие как переговоры, медиация и арбитраж.

3 ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АДВОКАТОМ ОБЩЕПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ГРАЖДАН

3.1 Судебная практика по адвокатской деятельности в системе защиты прав граждан

Немаловажную роль в адвокатской деятельности и в системе защиты прав граждан имеет судебная практика.

Рассмотрим Кассационное определение ВС РФ от 12.04.2019 г. № 16-КА19-2 «О предоставлении свидания адвоката с подзащитным с использованием технических средств»[21]:

«Судебная коллегия по административным делам ВС РФ рассмотрела в открытом судебном заседании кассационную жалобу гражданина Ш на решение Ленинского районного суда Волгоградской области от 11 апреля 2018 года и апелляционное определение судебной коллегии по административным делам Волгоградского областного суда от 14 июня 2018 года по делу по административному исковому заявлению гражданина Ш об оспаривании действий (бездействия) федерального казенного учреждения «Исправительная колония № <...> Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Волгоградской области» (далее – ФКУ ИК-<...> УФСИН России по Волгоградской области), временно исполняющего обязанности начальника названного учреждения и о возложении обязанности устранить допущенные нарушения».

Судебная коллегия по административным делам ВС РФ установила:

«30 ноября 2017 года административный истец, являющийся адвокатом, прибыв в ФКУ ИК-<...> УФСИН России по Волгоградской области для оказания юридической помощи осужденной Х, обратился к начальнику учреждения с заявлением о предоставлении свидания с осужденной для оказания юридической помощи наедине и конфиденциально, на основании которого были выданы разовый пропуск № 10123 и контрольный талон № 10123.

На контрольно-пропускном пункте сотрудники исправительной колонии потребовали от Ш сдать на временное хранение мобильные средства связи, диктофон и фотоаппарат, указав, что в противном случае ему не будет предоставлено свидание с подзащитной. Ввиду отказа административного истца сдать на хранение поименованные технические устройства адвокат Ш не был допущен сотрудниками ФКУ ИК-<...> УФСИН России по Волгоградской области на свидание с осужденной.

Полагая, что сотрудниками ФКУ ИК-<...> УФСИН России по Волгоградской области перед ним поставлены незаконные дополнительные условия для соответствующего допуска на свидание, Ш обратился к руководству колонии в устной форме с просьбой о предоставлении встречи с подзащитной, однако временно исполняющим обязанности начальника ФКУ ИК-<...> УФСИН России по Волгоградской области ему было отказано в пропуске на свидание с

упомянутыми техническими средствами, необходимыми для оказания юридической помощи осужденной.

Считая указанные выше действия (бездействие) незаконными Ш обратился в суд с административным иском к ФКУ ИК-<...> УФСИН России по Волгоградской области, временно исполняющему обязанности начальника данного учреждения об оспаривании действий (бездействия), выразившихся в непредоставлении адвокату Ш свидания с его подзащитной Х с использованием технических средств (телефона, диктофона, компьютера и фотоаппарата), а также о возложении обязанности предоставить указанное свидание с использованием перечисленных технических средств.

Решением Ленинского районного суда Волгоградской области от 11 апреля 2018 г., оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по административным делам Волгоградского областного суда от 14 июня 2018 года, в удовлетворении требований отказано.

Определением судьи Волгоградского областного суда от 26 сентября 2018 года адвокату Ш в передаче кассационной жалобы для ее рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции отказано.

По запросу судьи ВС РФ от 21 декабря 2018 года дело истребовано в ВС РФ, определением от 25 февраля 2019 года кассационная жалоба с делом передана для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по административным делам ВС РФ.

В кассационной жалобе Ш просит ВС РФ отменить состоявшиеся по делу судебные акты ввиду неправильного применения норм материального и процессуального права.

Основаниями для отмены или изменения судебных актов в кассационном порядке являются существенные нарушения норм материального права или норм процессуального права, которые повлияли на исход административного дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов (статья 328 КоАП РФ)» [6].

«Проверив материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия считает, что судебными инстанциями допущено такого характера существенное нарушение норм материального и процессуального права.

Отказывая в удовлетворении заявленных требований, суд первой инстанции, сославшись на положения Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в котором определены понятие квалифицированной юридической помощи, права и обязанности адвоката, а также проанализировав положения статьи 89 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ)[10], устанавливающей в части 4 условия оказания юридической помощи лицам, отбывающим наказание, пришел к выводу, что оспариваемые адвокатом Ш действия (бездействие) соответствуют требованиям действующего законодательства и не нарушают права административного истца.

Оставляя без изменения по существу решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции указал на обоснованность заявленных требований административного истца ввиду отсутствия в уголовно-исполнительном федеральном законодательстве запрета для адвоката проносить на территорию исправительного учреждения технические средства связи в целях оказания квалифицированной юридической помощи, констатируя, что решением ВС РФ от 10 ноября 2017 года № АКПИ17-867 признаны не действующими со дня вступления в законную силу решения суда пункт 77 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 16 декабря 2016 года № 295 (далее - Правила) и пункт 17 приложения № 1 к Правилам в части, допускающей распространение положений этих пунктов на пронос и использование адвокатом (защитником) при свиданиях с осужденным фотоаппаратов, видео-, аудиотехники, электронных носителей и накопителей информации, средств мобильной связи и коммуникации либо комплектов к ним, обеспечивающих их работу»[50].

Однако, учитывая, что названное выше решение вступило в законную силу 6 февраля 2018 года, суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что приведенные нормы Правил являются недействующими с указанной даты, а поскольку, с учетом обязательности исполнения Правил в силу их пункта 3, оспариваемые административным истцом действия совершены должностными лицами исправительного учреждения 30 ноября 2017 года, то есть до вступления решения суда в законную силу, оснований для признания их незаконными не имелось.

Между тем судебными инстанциями не учтено следующее.

«В соответствии с частью 1 статьи 82 УИК РФ режим в исправительных учреждениях – установленный законом и соответствующими закону нормативными правовыми актами порядок исполнения и отбывания лишения свободы, обеспечивающий охрану и изоляцию осужденных, постоянный надзор за ними, исполнение возложенных на них обязанностей, реализацию их прав и законных интересов, личную безопасность осужденных и персонала, раздельное содержание разных категорий осужденных, различные условия содержания в зависимости от вида исправительного учреждения, назначенного судом, изменение условий отбывания наказания.

Согласно части 3 приведенной статьи в исправительных учреждениях действуют Правила, регламентирующие и конкретизирующие соответствующие вопросы деятельности исправительных учреждений, в том числе порядок предоставления осужденным свиданий (глава XIV).

Как следует из содержания статьи 89 УИК РФ, законодатель, регламентируя порядок предоставления свиданий осужденным к лишению свободы, различает, с одной стороны, свидания, которые предоставляются в целях сохранения социально полезных связей с родственниками или иными лицами, и с другой – свидания с адвокатами или иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи, без ограничения их числа, устанавливает различные условия реализации данного права в зависимости от вида свидания (части 3 и 4).

КС РФ в постановлении от 25 октября 2001 года № 14–П «По делу о проверке конституционности положений, содержащихся в статьях 47 и 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и пункте 15 части второй статьи 16 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», анализируя правовой режим свиданий с адвокатом, признал не соответствующим Конституции РФ, ее статьям 48 (часть 2) и 55 (часть 3), положение пункта 15 части второй статьи 16 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», допускающее регулирование конституционного права на помощь адвоката (защитника) ведомственными нормативными актами»[13].

«В постановлении от 26 декабря 2003 года № 20-П КС РФ констатировал, что именно с учетом различий в правовой природе и сущности названных выше видов свиданий, законодатель, хотя и использует для их обозначения один и тот же термин, вместе с тем по-разному подходит к их регламентации исходя из того, что, если режим свиданий осужденного с родственниками и иными лицами предполагает нормативную определенность в части, касающейся продолжительности, частоты, порядка их предоставления и проведения, а также возможных ограничений, то правовой режим свиданий с адвокатами, как обеспечиваемый непосредственным действием права, закрепленного в статье 48 (части 1 и 2) Конституции РФ, не требует подобного урегулирования» [1].

Сравнительный анализ правового регулирования свиданий, содержащегося в УИК РФ, и предписаний Федерального закона от 15 июля 1995 года № 103–ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» по названному вопросу свидетельствует о том, что он является различным.

«Так в силу прямого указания федерального законодателя, содержащегося в части 1 статьи 18 поименованного закона, защитнику запрещается проносить на территорию места содержания под стражей технические средства связи, а также технические средства (устройства), позволяющие осуществлять кино съемку, аудио- и видеозапись. Данные ограничения обусловлены режимом содержания под стражей, обеспечивающим безопасность следственного изолятора, соблюдение прав подозреваемых и обвиняемых, их изоляцию, а также выполнение задач, предусмотренных УПК РФ, включая нарушения тайны следствия.

Между тем УИК РФ таких ограничений и запретов не устанавливает в отношении свиданий с адвокатами или иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи.

Наряду с УИК РФ порядок предоставления свидания с осужденными регламентирован Правилами, которые в пунктах 69-78 определяют условия свиданий с лицами, прибывшими не для оказания юридической помощи, предписывая в пункте 77 таким лицам сдать запрещенные к использованию в исправительном учреждении вещи, деньги и ценности на хранение, относя к таковым, в частности, фотоаппараты, видео-, аудиотехнику, электронные носители и накопители информации, средства мобильной связи и коммуникации

либо комплектующие к ним, обеспечивающие их работу (пункт 17 приложения № 1 к Правилам)».

«Что касается свиданий осужденного с адвокатом, то пункт 79 Правил о предоставлении осужденному свиданий с адвокатом без ограничения их числа продолжительностью до четырех часов, а также по его заявлению свидания с адвокатом наедине, вне пределов слышимости третьих лиц и без применения технических средств прослушивания, таких обязанностей на адвоката не возлагает, предусматривая возможность немедленного прекращения свидания в случае передачи либо попытки передачи осужденному запрещенных к хранению и использованию предметов, веществ и продуктов питания» [49].

«До января 2017 года действовали Правила внутреннего распорядка, утвержденные приказом Минюста России от 3 ноября 2005 года № 205, содержащие в пункте 76 нормы аналогичные предписаниям пункта 77 Правил, который решениями ВС РФ от 15 апреля 2009 года по делу № ГКПИ09-13 и от 7 февраля 2012 года по делу № ГКПИ11-2095 признан не действующим в части, допускающей распространения положений этого пункта на пронос и использование в исправительных учреждениях адвокатом (защитником) при свиданиях с осужденным фотоаппаратов, видео- и аудиотехники, средств связи.

Одним из принципов административного судопроизводства является законность и справедливость при рассмотрении и разрешении судами административных дел, которые обеспечиваются соблюдением положений, предусмотренных законодательством об административном судопроизводстве, точным и соответствующим обстоятельствам административного дела правильным толкованием и применением законов и иных нормативных правовых актов, в том числе регулирующих отношения, связанные с осуществлением государственных и иных публичных полномочий, а также получением гражданами и организациями судебной защиты путем восстановления их нарушенных прав и свобод (пункт 4 статьи 6 и статьи 9 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации)» [30, с. 112].

Если при разрешении административного дела суд установит несоответствие подлежащего применению нормативного правового акта закону или иному нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу, он принимает решение в соответствии с законом или иным нормативным правовым актом, имеющим большую юридическую силу (статья 15 названного выше кодекса).

Однако приведенные требования процессуального законодательства при рассмотрении настоящего дела судом первой и второй инстанции не выполнены, вместо правовых предписаний, содержащихся в УИК РФ, применены нормы подзаконного нормативного правового акта, которым дано толкование без учета правовых позиций КС РФ и ВС РФ, изложенных выше.

При таком положении вывод о соответствии оспариваемых действий (бездействия), выразившихся в непредоставлении адвокату Ш. свидания с его подзащитной для оказания квалифицированной юридической помощи с использованием технических средств, требованиям действующего

законодательства, является неправильным, нарушающим право административного истца как адвоката на оказание квалифицированной юридической помощи осужденному, у судебных инстанций отсутствовали законные основания для отказа в удовлетворении заявленных требований, следовательно, обжалуемые судебные акты подлежат отмене, а административное исковое заявление Ш удовлетворению.

«Ввиду изложенного Судебная коллегия по административным делам ВС РФ, руководствуясь статьями 328, 329, 330 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, определила:

решение Ленинского районного суда Волгоградской области от 11 апреля 2018 года и апелляционное определение судебной коллегии по административным делам Волгоградского областного суда от 14 июня 2018 года отменить.

Принять по делу новое решение об удовлетворении административного иска адвоката Ш.

Признать незаконными действия (бездействие) федерального казенного учреждения «Исправительная колония N <...> Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Волгоградской области» и временно исполняющего обязанности начальника названного учреждения, выразившиеся в непредоставлении свидания адвокату Ш с его подзащитной X с использованием технических средств, а именно: телефона, диктофона, компьютера и фотоаппарата».

«Обязать федеральное казенное учреждение «Исправительная колония № <...> Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Волгоградской области» устранить нарушение и предоставить свидание адвокату Ш с его подзащитной X с использованием поименованных технических средств.

Далее рассмотрим Постановление Московского городского суда от 10.01.2020 г. «О злоупотреблении правом» «[22]:

«В Московский городской суд 03.12.2019 г. поступила жалоба адвоката Д. в защиту интересов М. на решение Генеральной прокуратуры Российской Федерации о его выдаче правоохранительным органам Республики Беларусь для привлечения к уголовной ответственности.

Судебное заседание было назначено судом на 19.12.2019 г., о чем Д. была извещена 06.12.2019 г., а 17.12.2019 г. ей дополнительно судом было сообщено о том, что из прокуратуры поступили материалы экстрадиционной проверки, с которыми она вправе заранее ознакомиться. Несмотря на это, адвокат Д. в суд не явилась ни заблаговременно, ни в само судебное заседание 19.12.2019 г.

19.12.2019 г., ввиду ее неявки, заседание было отложено на 20.12.2019 г., о чем ей незамедлительно было сообщено. 20.12.2019 г., ввиду ее неявки, заседание было отложено на 23.12.2019 г., о чем ей незамедлительно было сообщено. 23.12.2019 г., ввиду ее неявки, заседание отложено на 10.01.2020 г., о чем ей незамедлительно было сообщено. В заседание 10.01.2020 г. к назначенному времени она также не явилась.

Суд отмечает, что адвокатом Д. суду не было представлено надлежащим образом оформленных документов (т. е. в виде оригиналов или заверенных копий), подтверждающих невозможность ее участия в судебных заседаниях в указанные дни.

Суд принимает во внимание, что согласно ч. 3 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, принятого первым Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003 года, адвокат не должен принимать поручение, если его исполнение будет препятствовать исполнению другого, ранее принятого поручения; согласно ч. 1 ст. 8 названного Кодекса, при осуществлении профессиональной деятельности адвокат должен добросовестно, квалифицированно и своевременно исполнять свои обязанности, руководствуясь Конституцией РФ, законом и названным Кодексом; согласно п. 5 ч. 1 ст. 9 названного Кодекса, адвокат не вправе принимать поручения на оказание юридической помощи в количестве, заведомо большем, чем адвокат в состоянии выполнить, и согласно ч. 4 ст. 9 выполнение профессиональных обязанностей по принятым поручениям должно иметь для адвоката приоритетное значение над иной деятельностью»[14].

«С учетом вышеизложенного и в целях обеспечения права М. на защиту, судом для оказания ему юридической помощи был приглашен адвокат З., от участия которого в деле М. отказался, адвокат З. его позицию поддержал, прокурор счел возможным рассмотреть жалобу адвоката Д. с участием адвоката З. в качестве защитника М., поскольку Д. в судебные заседания не является.

В соответствии с правовой позицией КС РФ, выраженной в п. 5 постановления от 17.07.2019 г. № 28-П, право пользоваться услугами приглашенного защитника не исключает возможности оставить без удовлетворения заявление этого лица об отказе от защитника по назначению при злоупотреблении правом на защиту со стороны этого лица, а также приглашенного им защитника, при этом непринятие отказа лица от назначенного ему защитника может быть продиктовано необходимостью обеспечить разумные сроки производства по делу, угроза нарушения которых вызвана злоупотреблением правом на защиту, когда процессуальное поведение обвиняемого или его защитника, будучи недобросовестным, ущемляет конституционные права иных участников судопроизводства».

«Согласно п. 18 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 30.06.2015 г. № 29 № «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве», суд может не признать право обвиняемого на защиту нарушенным в тех случаях, когда отказ в удовлетворении ходатайства либо иное ограничение в реализации отдельных правомочий обвиняемого или его защитника обусловлены явно недобросовестным использованием ими этих правомочий в ущерб интересам других участников процесса, поскольку в силу ч. 3 ст. 17 Конституции РФ осуществление прав и свобод не должно нарушать права и свободы других лиц» [37, с. 342].

С учетом всего вышеизложенного, действия адвоката Д., у которой, как следует из представленного суду ордера, заключено соглашение на защиту М. в

Московском городском суде при обжаловании решения о выдаче, направлены на срыв судебных заседаний, и, являясь явно недобросовестными, ущемляют процессуальные права других участников судопроизводства, а равно препятствуют суду в своевременной проверке законности и обоснованности решения Генеральной прокуратуры РФ о выдаче М. правоохранительным органам Республики Беларусь для привлечения к уголовной ответственности, что не согласуется с целями правосудия и искажает его суть.

«При таких обстоятельствах процессуальное поведение адвоката Д. не может быть расценено иначе, как ее злоупотребление правом, ставящим под угрозу реализацию назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), вследствие чего в целях обеспечения разумных сроков производства по делу отказ обвиняемого от назначенного ему защитника не подлежит принятию в соответствии с ч. 2 ст. 52 УПК РФ, поскольку обязательным для суда не является.

Принимая во внимание изложенное, руководствуясь ст. ст. 16, 52, 256 и 463 УПК РФ, судья постановил:

Признать факт злоупотребления правом со стороны адвоката Д. по основаниям и в пределах, указанных в описательно-мотивировочной части настоящего постановления.

Отказ М., в отношении которого принято решение о выдаче, от защитника по назначению суда не принимать.

Продолжить судебное заседание при данной явке лиц, поручив адвокату по назначению З. участвовать в данном судебном заседании в качестве защитника М.

Следующее рассматриваемое Определение КС РФ от 30 января 2020 г. № 34-О по жалобе Б и Ф»[23] утвердило полную конституционность основных положений Закона об адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката как внутрикорпоративного акта, которые были лишены статуса адвоката.

«КС РФ отказался рассматривать жалобу Б и Ф на нарушение их конституционных прав положениями Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» во взаимосвязи с положениями Кодекса профессиональной этики адвоката и Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». КС РФ подтвердил, что адвокатура является независимой неправительственной организацией, выполняющей публично-правовые функции.

Адвокаты Б и Ф оспаривали конституционность следующих положений Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»: п. 2 ст. 17; подп. 9 п. 3 и абз. 2 п. 7 ст. 31; п. 3 и 7 ст. 33. Адвокат Б также оспаривал конституционность следующих положений данного Федерального закона: подп. 4 п. 1 ст. 7; подп. 2 и 2.1 п. 2 ст. 36; подп. 16 п. 3 ст. 37 во взаимосвязи с нормами Кодекса профессиональной этики адвоката, обязывающими адвоката при всех обстоятельствах сохранять честь и достоинство, присущие его профессии (п. 1 ст. 4), при осуществлении профессиональной деятельности уважать права, честь и достоинство лиц, обратившихся к нему за оказанием юридической помощи, доверителей, коллег и других лиц, придерживаться манеры поведения и стиля одежды,

соответствующих деловому общению (п. 2 ст. 8), а также с положениями Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (утверждены решением Совета ФПА РФ от 28 сентября 2016 г.), в силу которых проявление адвокатом своей активной гражданской позиции должно осуществляться с неукоснительным соблюдением принципов профессионального поведения адвокатов (п. 1.2), предполагающих, в частности, уважительность, ответственность и достоверность заявлений адвоката в сети «Интернет» (п. 2.3.2 и 2.3.3)».

Советами адвокатских палат субъектов РФ на основании заключений квалификационных комиссий соответствующих адвокатских палат в отношении Б и Ф были приняты решения о прекращении статуса адвоката в связи с нарушением законодательства об адвокатской деятельности и Кодекса профессиональной этики адвоката.

Позиция Конституционного Суда РФ:

Изучив материалы жалобы Б и Ф, КС РФ отказался принимать ее к производству.

«КС РФ отметил, что в силу взаимосвязанных положений п. 2 ст. 17, подп. 9 п. 3 и абз. 2 п. 7 ст. 31, п. 3 и 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» органом, уполномоченным рассматривать жалобы на действия (бездействие) адвокатов, является Адвокатская палата субъекта РФ в лице Квалификационной комиссии, к полномочиям которой относится дача заключения о наличии или об отсутствии в действиях (бездействии) адвоката нарушений норм Кодекса профессиональной этики адвоката, о неисполнении или ненадлежащем исполнении им своих обязанностей; при наличии допустимого повода президент адвокатской палаты возбуждает дисциплинарное производство, а Совет Адвокатской палаты рассматривает жалобы на действия (бездействие) адвокатов с учетом соответствующего заключения Квалификационной комиссии».

«Такое регулирование, устанавливающее основания, поводы и порядок привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности и определяющее полномочия органов адвокатского сообщества, в том числе президента адвокатской палаты, в дисциплинарном производстве, основано на учете особого публично-правового статуса адвокатуры (постановления КС РФ от 23 декабря 1999 г. № 18-П и от 18 июля 2019 г. № 29-П) и принципов деятельности данного института гражданского общества – законность, независимость, самоуправление, корпоративность и равноправие адвокатов (пункты 1 и 2 ст. 3 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Кроме того, поскольку проверка законности решений органов адвокатской палаты, в том числе и решений о дисциплинарной ответственности адвокатов, входит в сферу судебного контроля (определения КС Судебного от 17 июня 2013 г. № 907-О, от 21 марта 2015 г. № 1089-О, от 27 марта 2018 г. № 627-О, от 2 октября 2019 г. № 2658-О и др.), оспариваемые законоположения не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права заявителей в указанном ими аспекте», – говорится в Определении № 34–О».

Также в Определении КС РФ отмечается, что КС РФ неоднократно указывал, что наделение адвокатских палат (их органов) контрольными и управленческими полномочиями, в том числе полномочиями по принятию обязательных для адвокатов решений по отдельным вопросам адвокатской деятельности, согласуется с особым публично-правовым статусом некоммерческих организаций подобного рода, в том числе профессионального сообщества адвокатов, которое не входит в систему органов публичной власти и действует независимо от них (постановления от 19 мая 1998 г. № 15–П, от 23 декабря 1999 г. № 18–П, от 19 декабря 2005 г. № 12–П и от 18 июля 2019 г. № 29–П).

«Следовательно, такое регулирование не выходит за пределы дискреции законодателя, а приведенные нормы сами по себе не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права заявителя. Предъявление же особых профессионально-этических требований к мнениям, суждениям и комментариям адвокатов, которые они выражают публично, в том числе в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», по поводу деятельности государственных органов и должностных лиц, в том числе судей, обусловлено имеющими публично-правовое значение задачами и функциями адвоката, который, будучи независимым профессиональным советником по правовым вопросам, призван обеспечивать защиту прав и свобод человека и гражданина во взаимодействии с органами государственной, прежде всего судебной, власти и, соответственно, должен стремиться поддерживать доверие граждан к судебной власти, согласуется с предписаниями ст. 29 Конституции РФ и ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, задающих пределы осуществления свободы слова», – делает вывод КС РФ» [23].

«КС РФ также указал, что разрешение вопросов о том, были ли соблюдены адвокатом Б при выражении своего мнения в форме критических комментариев о судебной системе в информационно-коммуникационной сети «Интернет» допустимые пределы осуществления права на свободу слова, исследованы ли правоприменительными органами все обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения и разрешения дела заявителя, дана ли судами надлежащая оценка установленным обстоятельствам, а также соразмерности применения к заявителю меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката, связано с установлением и исследованием фактических обстоятельств и оценкой законности и обоснованности правоприменительных решений, что не входит в компетенцию КС РФ. Также не относятся к компетенции КС РФ оспариваемые Б положения Кодекса профессиональной этики адвоката и Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», являющиеся корпоративными правовыми актами».

Позиция адвокатуры:

«Вице-президент ФПА РФ, председатель Комиссии Совета ФПА РФ по защите права адвокатов, первый вице-президент АП г. Москвы Генри Резник отметил, что позиция КС РФ, отраженная в Определении № 34-О, не могла быть другой.

КС РФ подтвердил, что адвокатура является независимой неправительственной организацией, выполняющей публично-правовые функции» [49].

«По мнению Генри Резника, «заявители замахнулись на принцип независимости адвокатуры, оспаривая право сообщества решать внутренние вопросы своей жизни путем принятия внутрикорпоративных актов, главный из которых – Кодекс профессиональной этики адвоката». «Этика – это сердцевина адвокатской профессии. И эта независимость адвокатуры, о которой напомнил КС РФ, можно считать, закреплена в ст. 15 Конституции РФ, где указано, что общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью российской правовой системы. Независимость института адвокатуры – это уже общепризнанный принцип международного права», – заявил вице-президент ФПА РФ» [49].

«Генри Резник обратил внимание на важность того, что КС РФ отметил гарантии прав адвокатов, которые подвергаются дисциплинарным санкциям. Гарантии заключаются в том, что все решения органов адвокатского самоуправления подлежат судебному контролю. «В данном случае заявители, недовольные конкретными судебными решениями, совершенно неосновательно перенесли спор о фактах в КС РФ, атаковав основы существования адвокатуры, – сказал он. Понятно, что КС РФ не мог иначе отреагировать и указал, что такая подмена совершенно недопустима и что конкретные факты, которые были расценены определенным образом квалификационными комиссиями и судами, не могут быть предметом рассмотрения КС РФ».

Кроме того, отметил Генри Резник, статус адвокатуры как независимого института гражданского общества не может подвергаться сомнению. «Претензии заявителей – это попытка подменить решение внутрикорпоративных вопросов органами адвокатского самоуправления полным государственным контролем.

По мнению вице-президента ФПА РФ, Определение № 34-О утвердило полную конституционность основных положений Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката как внутрикорпоративного акта, который принят Всероссийским съездом адвокатов по предписанию законодателя» [49].

Итак рассмотрев лишь некоторые примеры из судебной практики, можно говорить о том, что ВС РФ, КС РФ и все другие высшие судебные инстанции не оставляют без своего внимания вопросы адвокатской деятельности в системе защиты прав граждан.

«Адвокатура сегодня – это не просто институт гражданского общества, а институт защиты гражданского общества. Адвокатскому сообществу никогда не было легко: переживала трудности как присяжная, советская, постсоветская, так и сегодняшняя адвокатура. Отношения адвокатуры с государством строились также по-разному. Поэтому, адвокатура сама должна завоевывать свой авторитет, свое место под солнцем и как институт гражданского общества достойно представлять общество и защищать права граждан».

У современной адвокатуры очень много проблем, которые необходимо решать.

«Не секрет, что многие граждане, обратившиеся за оказанием юридической помощи, оказываются жертвами некавалифицированных специалистов или даже мошенников. Введенное еще в 1991 г. лицензирование деятельности по оказанию платных юридических услуг уже через семь лет было упразднено. С тех пор предоставлять такие услуги могут любые организации, индивидуальные предприниматели и даже самозанятые граждане. Квалификацию этих специалистов или наличие у них какого-либо образования государство не контролирует. По нашему мнению, именно адвокатура является оптимальной платформой для объединения профессии и достижения цели повышения качества предоставления квалифицированной юридической помощи».

Нередко такие компании и «псевдоюристы» превращаются в ответчиков по искам бывших клиентов, разочарованных качеством или неоказанием оплаченных услуг. Так, гражданка А отдала 30 тысяч рублей ООО «Нетдолгофф», которое обещало содействовать в проведении процедуры банкротства гражданина. Поскольку оплаченные услуги больше чем за год так и не были оказаны, клиент потребовал возврата внесенного аванса. Служители Фемиды сочли эти претензии обоснованными, взыскав с юридической фирмы всю стоимость договора, а также 50-процентный штраф за неисполнение законных требований клиента. «Довод ответчика, что правоотношения между сторонами не регулируются Законом РФ «О защите прав потребителей», является несостоятельным, поскольку основан на неверном толковании закона», – констатировала апелляционная инстанция [36, с. 100].

«В некачественной работе уличили и брянского адвоката О. По утверждению бывшего клиента юрист за 10 тысяч рублей обещал представлять его по иску к Фонду социального страхования РФ о взыскании выплат за утрату здоровья на производстве, гарантировав положительный исход дела. Но из-за занятости в другом процессе адвокат опоздал в судебное заседание. Служители Фемиды пришли к выводу, что О. «неразумно подошел к распределению своей занятости, что привело к затягиванию судебного процесса и неэффективной защите интересов заявителя, как того требовало соглашение». Правда, убытки, возникшие вследствие ненадлежащего оказания адвокатом профессиональной юридической помощи, суд оценил всего в тысячу рублей» [40, с. 188].

«Существует множество примеров, когда в качестве представителя потерпевших в суде могли выступать лица, даже не имеющие юридического образования. Тем самым клиенты не получали квалифицированной помощи. Многие потерпевшие, не получившие юридическую помощь или недовольные ее качеством, обращаются с жалобами в Роспотребнадзор. Этот орган уполномочен применять к нарушившим обязательства перед клиентами юридическим фирмам административные санкции. Хотя сами граждане чаще всего получают от этого только моральное удовлетворение.

Дополнительные гарантии качества имеют доверители адвокатов. Согласно Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокаты обязаны «честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными

законодательством средствами», а неисполнение или ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей является основанием для лишения статуса и исключения из корпорации. Более того, формально такие бывшие адвокаты не могут в дальнейшем представлять клиентов в любых судах».

При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан соблюдать закон, Кодекс этики, профессиональные стандарты, решения органов адвокатского самоуправления и постоянно повышать свою квалификацию. Также законом установлен ряд гарантий адвокатской деятельности – защита тайны, право на запрос, особый порядок привлечения к ответственности. В частности, недовольный качеством оказанной адвокатом юридической помощи доверитель может обратиться с жалобой в адвокатскую палату.

«В случае признания адвоката виновным ему объявляют дисциплинарное взыскание – от замечания и предупреждения до прекращения статуса на срок до пяти лет. Тогда как на лиц, оказывающих юридические услуги и не обременяющих себя адвокатским статусом, все перечисленные требования и правила не распространяются. К великому сожалению, их деятельность вовсе никак не регулируется государством. Поэтому пострадавшим от услуг недобросовестных юристов чаще всего остается только пытаться возместить причиненный им материальный ущерб в судебном порядке. Однако это процесс затратный и небыстрый» [45, с. 22].

Россия – чуть ли не единственное в мире государство с такой уникальной юридической аномалией. В подавляющем большинстве стран, в том числе в Германии, Франции, Японии, Индии и даже Белоруссии, оказывать профессиональную юридическую помощь вправе только адвокаты.

«Международные эксперты считают ситуацию в России критической. «Тот факт, что большинство юристов действуют за рамками какой-либо системы самоуправления, означает, что российская правовая система во многом полагается на лиц, которые не подчиняются требованиям Кодекса этики и дисциплинарной системы. Следовательно, многие люди, которые обращаются к ним, чтобы получить доступ к правосудию, в том числе добиться исправления нарушенных прав человека, не смогут привлечь своих юридических представителей к ответственности, если обнаружат, что они проявляют некомпетентность, халатность или коррумпированность при ведении их дела», – отмечается в отчете миссии Международной комиссии юристов» [35, с. 50].

В настоящее время уголовное судопроизводство, например находится в состоянии серьезного кризиса. Одна из составляющих этого кризиса заключается в недооценке роли адвоката не просто как стороны в состязательном процессе, пользующейся равноправием, а как профессионального участника судопроизводства.

Основные проблемы уголовного судопроизводства таковы:

Первая, по нашему мнению, состоит в том, что в процессуальных документах факты подменили юридической терминологией, обобщенной до предела. Обвинительное заключение, написанное терминами УК РФ или комментария к

нему либо выдержками из постановления Пленума ВС РФ, адвокату невозможно опровергнуть, поскольку опровергать можно факты.

«Вторая проблема – наличие в процессуальных документах по экономическим преступлениям большого количества информации, не относящейся к делу. В теории уголовного права такая информация определяется как неотносимые доказательства. Однако на практике почти не встречаются случаи, когда адвокаты оспаривают неотносимые доказательства. Когда обвинение загромождается ненужным хламом, юридически устоявшимися клише и штампами, страдает право обвиняемого знать, в чем он обвиняется. Это, с одной стороны, осложняет работу защитника, с другой – требует акцентировать внимание на данной проблеме».

Особое внимание хотелось бы обратить на то, что экономические преступления оказались невероятно сложными с точки зрения профессионального анализа, поскольку на сегодняшний момент наблюдается недостаточно четкое регулирование цивилистических отношений. Терминология ГК РФ, других законов отрасли гражданского права и терминология УК РФ не совпадают и перестают быть адекватными. Одно и то же явление объясняется и толкуется по-разному, создает неразрешимые ситуации, когда адвокат не знает, к какому средству правовой защиты прибегать.

На сегодняшний момент ситуация складывается так, что профессионализм адвоката должен быть на порядок выше, чем профессионализм следователя, государственного обвинителя и даже судьи. Если адвокат не может собрать весь правовой материал и логически представить его судье, то существует высокая вероятность того, что у судьи не хватит времени, сил и возможностей докапываться до сути дела. Тогда он выносит решение на основе тех материалов, которые дали стороны.

Таким образом, адвокатская деятельность в системе защиты прав граждан не совершенна и требует законодательного вмешательства.

3.2 Предложения по совершенствованию адвокатской деятельности в системе защиты прав граждан

Разрабатываемая Министерством юстиции России Концепция регулирования рынка профессиональной юридической помощи обсуждается уже более шести лет. В перспективе она предполагала введение так называемой адвокатской монополии – закрепление права оказания юридической помощи гражданам исключительно членами профессионального сообщества. Это касалось как частнопрактикующих юристов, так и сотрудников консалтинговых компаний. В свою очередь, работающие в иных организациях юрисконсульты могли представлять интересы работодателя без получения адвокатского статуса, не затрагивала реформа также деятельность сотрудников государственных органов, нотариусов и патентных поверенных.

Проектом Концепции предусматривается постепенное сближение и объединение различных групп субъектов, оказывающих юридические услуги, в

единую профессиональную корпорацию. В настоящее время адвокатура представляется наиболее оптимальным институтом для такого объединения. Однако принятие Концепции уже многократно откладывалось.

«Пути преодоления сложившихся двойных стандартов в сфере юридических услуг, так называемого дуализма профессии, обсуждаются уже более десяти лет. Министерством юстиции РФ при активном участии Федеральной палаты адвокатов велась активная работа по подготовке проекта Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи. Планировалось принять ее не позднее лета 2020 г., но этого не произошло» [50].

К сожалению, новое руководство юридического ведомства не проявляет ни малейшей активности в завершении этой важнейшей работы, тогда как без преодоления двойных стандартов профессии невозможна успешная судебная реформа. Сложившаяся ситуация в юридической профессии негативно влияет на обеспечение конституционных прав граждан, она позорна и вредна для страны, для ее независимости и безопасности.

«В настоящее время подготовлены поправки в КоАП, УПК, Федеральные законы «О полиции» и «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

Среди прочего предлагается законодательно закрепить право гражданина пользоваться юридической помощью «с момента фактического задержания», а также уточнить перечень поводов для экстренных обысков и время суток для проведения следственных действий. Юридическое сообщество надеется, что депутаты при рассмотрении этих поправок будут думать о защите, в том числе собственных прав».

В преамбуле к пакету поправок говорится о «незащищенности прав и свобод человека и гражданина» в современной России и предлагается «принять неотложные меры».

«Прежде всего, авторы предлагают изменить КоАП, восполнив те его пробелы, которые стали очевидны при задержаниях участников несогласованных акций в поддержку оппозиционера Алексея Навального. Адвокаты по всей стране жаловались, что их не пропускали в отделения полиции к задержанным. Поэтому в одной из поправок предлагается прописать в КоАП право гражданина «пользоваться юридической помощью выбранного им самим защитника с момента фактического задержания, любой формы физического ограничения свободы передвижения»» [49].

Другое изменение уточняет перечень поводов для административного задержания человека. Сейчас задержания возможны в «исключительных случаях», отмечают авторы законопроекта, но на деле силовики рассматривают каждый случай как исключительный. Поэтому предлагается уточнить: задержание необходимо для «пресечения либо предотвращения административного правонарушения, сопровождающегося применением насилия к другим людям».

Второй законопроект касается УПК РФ. Одна из поправок устраняет обвинительный «перекос» Кодекса. Отмечается, что сегодня защитник лишен права представлять доказательства в суде. Его полномочия ограничиваются

участием в исследовании доказательств, представленных следствием и судом. Поэтому авторы требуют признать собранные защитой сведения полноценными доказательствами.

«Среди изменений есть норма, уточняющая право силовиков «в исключительных случаях» проводить обыски без разрешения суда. Авторы предлагают прописать в УПК РФ: проникновение в жилище без решения суда допускается только по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях и лишь «когда малейшее промедление грозит причинением вреда жизни и здоровью людей или иными тяжкими последствиями».

«Практически та же проблема поднята в третьем законопроекте. Авторы указывают на слишком размытые формулировки Федерального закона «О полиции», которые позволяют проникновение в жилище «в экстренных случаях» – например, для пресечения преступлений. Юристы уточняют перечень таких «экстренных случаев». Если полиция посетила жилище в отсутствие собственника или жильца, она обязана уведомить их в течение 24 часов. Также авторы предлагают ввести обязательный «последующий» судебный разбор. Если суд признает действия полицейских незаконными, то он же должен будет назначить наказание. Сейчас это прерогатива их непосредственного начальства, которое, по мнению авторов проекта, «склонно укрывать нарушения подчиненных».

Последний законопроект вносит ряд изменений в Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»: отменяет цензуру переписки адвоката и доверителя, а также разрешает защитнику проносить на свидание копировальную технику и пользоваться ею заключенному.

«Конечно цензура переписки «нарушает адвокатскую тайну». Отсутствие в СИЗО возможности копирования материалов дела арестованными нарушает их право на получение копий материалов дела и вынуждает адвоката знакомиться с делом раздельно от обвиняемого.

Адвокатское сообщество поддерживает предлагаемые законодательные изменения: «В этих инициативах нет ничего революционного. Хочется верить, что депутаты отнесутся к ним здраво и при рассмотрении поправок будут думать о защите прав граждан как о защите собственных прав»» [49].

Еще одной очень актуальной проблемой для адвокатского сообщества является «тайна следствии».

«В качестве примера можно привести недавнее возбуждение уголовного дела в отношении адвоката П, который участвует в качестве защитника в ряде громких дел. Одно из последних – это процесс об объявлении экстремистскими всех структур, связанных с оппозиционером Алексеем Навальным. Адвокату П вменяют ст. 310 УК РФ – разглашение данных предварительного расследования. Силовики, конечно, сделали разъяснение, что П привлекают вовсе не за это, а по неким прошлым делам»[50].

За последние годы силовой блок выстраивает деятельность так, чтобы существенно осложнить работу адвокатов. И ситуация с попыткой засекречивания

дел – лишь часть сложившейся в России системы, говорят эксперты. Подписка о неразглашении превратилась еще в один инструмент для давления на защитников. Следствие применяет подписки практически по любому делу, однако если прежде это делалось для того, чтобы пресечь распространение информации и не дать защите опереться на общественное мнение, то теперь ситуация почти сразу сводится к уголовным преследованиям адвокатов.

«Защитник лишается возможности использовать копии документов для проведения исследования специалистами или какую-то информацию – для опроса свидетелей. Однако, по сути, это прямое и неприкрытое давление на защиту при помощи Уголовного кодекса.

Причем до сих пор все попытки привлечь адвокатов по ст. 310 УК РФ позволяли уверенно утверждать об ошибочности обвинений.

И речь там шла о «разглашенных» адвокатами сведениях из уголовного дела, содержащихся в его же жалобах или обращениях к специалисту, или вовсе сообщавшихся в открытых судебных заседаниях. Никакой избыточной публичности там не было, так что «необоснованность таких претензий была вполне очевидна». Но, даже несмотря на это, каждый раз требовались «большие и долгие усилия всего сообщества, включая действия региональных палат и ФПА РФ, чтобы от них «отбиться»».

«Ранее КС РФ обязал следователей конкретизировать сведения, которые не подлежат огласке, но правоохранители продолжают злоупотреблять ст. 310 УК РФ. Поэтому следует добиваться законодательного закрепления позиции КС РФ, в том числе прописывать сроки неразглашения. КС РФ в своем определении от 2015 г. указал, что следователь должен «исследовать степень общественной опасности и наличия вреда от допущенного разглашения тайны», но на практике этого обычно не происходит, подтверждают эксперты. В результате ст. 310 УК РФ носит формальный, а не материальный характер, а должно быть наоборот. Делается это, для того, чтобы следствие могло монопольно освещать в прессе ход расследования в выгодном для него виде. Безусловно, это ограничивает право на защиту и нарушает принцип равенства сторон уголовного судопроизводства».

В свете недавних новостей, «Российская газета»: «Правительство поддержало проект поправок в УПК РФ, прописывающий порядок проведения допроса по видеосвязи.

«Если инициатива будет принята, то следствие сможет буквально по телефону общаться со свидетелями и потерпевшими и даже проводить очные ставки. Сама по себе идея введения в УПК РФ механизма допроса с использованием системы видео-конференц-связи является правильной и ожидаемой.

Автор инициативы – сенатор Андрей Кутепов. От Правительства РФ поступил положительный ответ, но с некоторыми замечаниями. Например, как уточнили эксперты, необходимо детально прописать порядок удостоверения личности человека, у которого следователь берет показания по видео. Тот ли самый гражданин на связи? Нет ли подмены?» [50].

В период ограничительных мер в связи с пандемией развитие различных дистанционных процедур стало особенно актуальным. Суды теперь активно используют технологии веб-связи при проведении процессов.

«Граждане получили возможность участвовать в судебных заседаниях с помощью гаджетов. Однако в ходе расследования уголовных дел тоже нередко возникают ситуации, когда у следователя нет возможности пригласить нужного человека лично в кабинет. И пандемия тут может быть ни при чем. Бывает, что важный свидетель был на месте преступления проездом, а сам живет в другом городе. Сегодня вопрос решается так: либо свидетель приезжает для встречи со следователем (или его доставляют), либо следователь направляет поручение коллегам в другой регион, и местные следователи уже сами допрашивают свидетеля, а потом присылают ответы» [48, с. 130].

Если допрос по видео-конференц-связи станет процессуально реализуем, то резко снизится количество самих передвижений свидетелей, выдача отдельных поручений в рамках следственных действий по части проведения допроса по месту нахождения свидетеля. При принятии этого закона, безусловно, должен быть решен вопрос и о допуске защитника обвиняемого к возможности проводить свидания со своим подзащитным, находящимся в СИЗО, с использованием видео-конференц-связи.

На самом деле, как показывает многолетняя практика, это достаточно важный вопрос, и от его решения подчас зависит результат судебного разбирательства. Сейчас для того, чтобы встретиться с подзащитным, адвокату необходимо получить разрешение и выполнить ряд процессуальных действий. На все это, разумеется, требуется время.

«Но бывает, что в деле обвиняемого внезапно появляются новые обстоятельства, требующие оперативных объяснений подзащитного и, возможно, каких-то дополнительных действий защитника. Быструю связь с подопечным ему как раз может обеспечить видео-конференц-связь. Понятно, что в свободном и круглосуточном доступе она у обвиняемого не будет. Но доступ его к видео-конференц-связи в экстренных случаях, наверное, возможен».

В пандемию адвокатское сообщество столкнулось с тем, что часть регионов начала практиковать форму удаленного взаимодействия. Однако отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве прямого указания на такую возможность сделало это взаимодействие не в полной мере легитимным. Впоследствии это вызвало ряд проблем в развитии этого института. Законопроект позволит решить проблему комплексно. Что касается идентификации граждан, с которыми следователь будет общаться по видеосвязи, технически это решаемо.

В настоящее время адвокатурой разрабатываются новые цифровые платформы. Информационные системы, в частности, сделают прозрачной процедуру назначения адвоката в случаях, когда защитник предоставляется от государства. Правоохранители не смогут «назначить» того, кто лично им удобней. К обвиняемому придет действительно независимый адвокат.

Также сейчас разрабатывается цифровая платформа, которая позволит гражданам с помощью мобильного приложения находить адвоката. Человек будет направлять заявку, нужный адвокат откликнется [49].

«Вместе со всем человечеством адвокатура вступила в цифровую эру, успешно применяя форматы электронного взаимодействия с судебными органами, дистанционного участия в судебных заседаниях и повышения квалификации, автоматизированного распределения дел по назначению. Для достижения глобальной задачи цифровизации адвокатуры разрабатываются и внедряются наиболее прогрессивные цифровые платформенные решения.

Минувший 2020 год был непростым для всей страны – пандемия внесла коррективы во все сферы жизни, ускорив переход на новый, цифровой уклад.

Не менее важно для адвокатуры продолжение диалога с государством о регулировании сферы адвокатской деятельности и адвокатуры, дополнительных мерах по обеспечению и защите профессиональных прав адвокатов

В современном российском государстве корпорация адвокатов продолжает оставаться независимой, и необходимо ценить имеющиеся возможности по саморегулированию деятельности, приему новых членов и исключению тех, кто не соответствует этическим требованиям.

Залог благополучия современной российской адвокатуры – ее развитие как сплоченной профессиональной корпорации, творчески развивающей лучшие традиции предшественников и достойно отвечающей на все вызовы стремительно меняющейся жизни.

Итак, право на получение квалифицированной юридической помощи является одним из ключевых прав человека, а гарантированность реализации такого права – необходимая предпосылка для обеспечения эффективной защиты прав любого лица.

Адвокатура исторически является традиционным гарантом реализации этого конституционного положения и одним из системообразующих институтов правового государства и гражданского общества.

И одной из приоритетных задач Минюста России является развитие и совершенствование законодательства об адвокатской деятельности. От эффективности этой работы, правильности и сбалансированности выбранных регуляторных решений зависит дальнейшее развитие адвокатуры, пополнение ее квалифицированными кадрами и, в конечном итоге, укрепление правосудия и уровня правовой защиты граждан.

Министерство юстиции исходит из того, что гарантированность права на квалифицированную юридическую помощь по смыслу ст. 48 Конституции предполагает создание государством нормативных предпосылок как для доступности юридической помощи по количеству оказывающих ее лиц, так и для поддержания необходимого уровня их профессиональной квалификации. КС РФ неоднократно указывал, что юридические услуги воплощают в себе публичный интерес, а их оказание имеет публично-правовое значение [50].

В связи с этим адвокатура, обеспечивая реализацию прав граждан на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе оказываемой

бесплатно, должна осознавать свою ответственность перед гражданским обществом и государством и обеспечивать настройку инструментов саморегулирования таким образом, чтобы обеспечить ожидаемый уровень защиты прав граждан.

Задача Минюста России как регулятора состоит в том, чтобы обеспечить баланс между независимостью адвокатуры и ее ответственностью перед гражданским обществом в той мере, в которой она обеспечивает реализацию конституционного права граждан на получение квалифицированной юридической помощи.

Существующее регулирование адвокатской деятельности пока не создает точек роста для развития института адвокатуры, а конфигурация действующего Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре не полностью отвечает современным потребностям рынка юридической помощи и не создает оптимальных условий для пополнения адвокатского сообщества высокопрофессиональными юристами, практикующими вне корпорации, даже несмотря на такие дополнительные преференции статуса, как адвокатская тайна и право на адвокатский запрос.

Выделим ряд основных проблем, требующих первоочередной нормативной актуализации:

- ограниченность определенных Законом об адвокатуре организационно-правовых форм адвокатских образований;
- невозможность заключения соглашения об оказании юридической помощи между адвокатским образованием и доверителем;
- невозможность осуществления адвокатской деятельности по трудовому договору.

Эти и другие особенности законодательства об адвокатуре и практики его применения объясняют причины малочисленности адвокатского корпуса. А у большинства высокопрофессиональных юристов, практикующих вне адвокатуры по гражданским и коммерческим делам и осуществляющих правовое сопровождение бизнеса, отсутствует какая-либо мотивация для вступления в ряды корпорации, что снижает конкурентоспособность адвокатуры по отношению к другим участникам юридического рынка.

В связи с этим Минюст России осуществляет подготовку проекта федерального закона о внесении изменений в Закон об адвокатуре.

Помимо решения обозначенных проблем законопроект предусматривает создание единого государственного реестра адвокатов, который будет единственным достоверным, публичным и актуальным источником информации об адвокатах как для граждан, так и для правоохранительных органов и судов. Работа над реестром ведется ведомством уже сейчас в рамках реализации ведомственной программы цифровой трансформации. При этом Министерство юстиции намерено обеспечить информационное взаимодействие между своей информационной системой и Комплексной информационной системой адвокатуры России.

«Законопроект также будет содержать положение о возможности изготовления и выдачи ордера на исполнение поручения с использованием электронной цифровой подписи, а также предоставления ордера государственным органам и должностным лицам посредством электронных средств связи. Будут созданы правовые предпосылки для создания реестра электронных ордеров.

Министерство юстиции в целом поддерживает цифровизацию адвокатуры, которая должна оптимизировать и сделать прозрачным ряд процессов и процедур. Положительной оценки заслуживает инициатива по созданию системы автоматизированного распределения между адвокатами поручений на защиту по назначению. Реализация этого проекта позволит исключить влияние любых заинтересованных лиц на распределение поручений между адвокатами.

Кроме того следует продолжать развивать механизмы допуска к адвокатской профессии, формировать высокие стандарты качества юридических услуг, совершенствовать механизмы контроля за качеством юридической помощи, оказываемой адвокатами, и соблюдением ими правил профессиональной этики. Требуется более активное участие адвокатов в оказании бесплатной юридической помощи и в правовом просвещении граждан».

Необходимо обеспечить сплоченность адвокатского сообщества, приложить необходимые усилия для разрешения всех имеющихся на сегодняшний день проблем и разногласий, обеспечить конструктивный диалог внутри адвокатского сообщества.

«Примечателен тот факт, что под влиянием пандемии в мире растет влияние государства на разные сферы жизни общества. В России тоже наблюдается эта тенденция: усиливается регуляторное начало, увеличивается количество запретов, устанавливаемых нормативными актами. В то же время российская адвокатура является примером профессиональной свободы и независимости. Тем не менее в ситуации всеобщего усиления регуляторных начал у адвокатуры появляются поводы для настороженности.

Можно назвать настоящее время переломным: происходит переход от одного общественного уклада к другому. Повсеместная цифровизация жизни пока вдохновляет, поскольку большинство людей видят в ней комфорт и пользу. Прогнозируя влияние цифровых технологий на современное общество в целом и адвокатуру – в частности, можно говорить о грядущих переменах.

Карательная политика государства в сфере экономики, когда любой бизнесмен становится подозреваемым с момента совершения первой сделки – нетерпимая ситуация, и адвокатура могла бы быть более активной, вступать в активное взаимодействие с предпринимательскими сообществами, союзами, вносить свои предложения. На уровне адвокатских палат, крупных коллегий целесообразно обобщать подобные дела, делать выводы и представлять на рассмотрение законодателей, руководства следственных органов и руководства прокуратуры. Прокуратура должна стать дирижером правоохранительной деятельности. Адвокаты должны подходить к прокуратуре не конфронтационно, хотя они противостоят друг другу, но как институты должны сближаться по мере возможности, которая существует. Адвокат должен понимать, что его роль

не ограничивается защитой. Он должен считать себя представителем института гражданского общества, быть общественно активным».

На сегодняшний день нельзя говорить об искусственном интеллекте как об активной системе. Речь идет о «слабом» искусственном интеллекте, который лишь имитирует когнитивную деятельность человека. Еще достаточно далек тот период, когда появится подлинный искусственный интеллект, который сможет осознать себя в существующей системе координат.

Более того, чем больше будут окружать конкретного человека цифровые технологии, тем больше они будут пугать его своей непредсказуемостью, следовательно, тем чаще и больше ему будут нужны советники, помогающие ориентироваться, в том числе в цифровом мире. Для того чтобы быть готовыми к коммуникации, юристам в целом и адвокатам – в частности необходимо в полной мере понимать глубину вопроса и уметь взаимодействовать с цифровым пространством. Одна из задач цифровых технологий в праве – это освобождение юристов от рутинных процедур. Таким образом, взаимодействие юристов и адвокатов в цифровой среде видоизменится, даст новые возможности.

Само по себе электронное правосудие ни адвокатам, ни обществу угрозы не несет. Напротив, оно должно повысить качество работы судей и наконец дать им возможность и время думать над своими процессами.

«В настоящее время уже создан первый модуль Комплексной информационной системы адвокатуры России – автоматизированная подсистема распределения дел по назначению (АРПН), которая позволяет с помощью сложнейших настроек удовлетворить потребности всех регионов с учетом всех их особенностей, который проходит тестовую эксплуатацию в пилотном регионе.

По нашему мнению адвокатура должна занять лидирующее место в процессе цифровизации, поскольку сфера цифровых технологий затронула все аспекты человеческой жизни».

Таким образом, по результатам проведенного исследования предлагаются следующие меры по совершенствованию адвокатской деятельности в системе защиты прав граждан.

1. Отменить ст. 310 УК РФ и ст. 161 УПК РФ. Речь об институте «тайны следствия», которым правоохранители стали повсеместно злоупотреблять. И если прежде это было больше связано с попытками избежать гласности по резонансным делам, то теперь подписки о неразглашении стали в основном инструментом для давления на неудобных защитников.

2. Внести изменения в Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63–ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в части решения таких проблем, как ограниченность организационно-правовых форм адвокатских образований, невозможность заключения соглашения об оказании юридической помощи между адвокатским образованием и доверителем и невозможность осуществления адвокатской деятельности по трудовому договору.

3. В силу ч. 1 ст. 18 Закона об адвокатуре запрещается вмешательство в адвокатскую деятельность, осуществляемую в соответствии с законодательством. Предлагается дополнить ч. 1 ст. 18 абзацем о том, что «Вмешательство в какой бы

то ни было форме в адвокатскую деятельность влечет установленную законом ответственность». Заметим, что гарантии независимости адвоката в отсутствие мер ответственности носят декларативный характер.

4. В настоящее время норма ст. 6.1 Закона об адвокатуре (адвокат имеет право направлять адвокатский запрос и получать ответ на него в течение 30 дней) не работает в полном объеме. Она фактически наделяет адвоката правом получать информацию по доверителю, что просто дублирует права самого доверителя, не позволяя получить иную информацию в рамках дела, в случае если, к примеру, эта информация касается личных данных других участников процесса. При этом таким правом наделен суд и правоохранительные органы, что создает определенный дисбаланс защиты и обвинения. По нашему мнению назрела необходимость включения адвокатов в перечень субъектов, правомочных получать информацию, аналогично указанным органам, но с возложением ответственности при допустимом злоупотреблении.

5. Наделить правом законодательной инициативы Федеральную палату адвокатов РФ для разработки законопроектов на федеральном уровне и адвокатские палаты субъектов РФ – для взаимодействия с законодательными органами на региональном уровне. Последние изменения в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» исключают возможность членов адвокатского сообщества быть депутатами законодательных органов всех уровней, что фактически «выбивает» из той сферы, в которой адвокаты ориентируются по роду профессиональной деятельности.

6. Внести изменения в действующее законодательство в части предоставления льгот и компенсаций адвокатам.

7. Внести изменения в НК РФ о предоставлении возможности адвокатам, по их выбору, применять УСН 6%; в Федеральный закон «О страховании вкладов в РФ» о распространении системы страхования вкладов на адвокатские образования, в том числе адвокатов, учредивших адвокатский кабинет, в целях установления адвокатам гарантий по сохранению денежных средств, размещенных на расчетных счетах, в случае отзыва (аннулирования) лицензии у банка.

8. Внести поправки в ГПК РФ и ГК РФ о категории дел и судебных инстанциях, где в качестве представителя могут выступать только адвокаты.

9. Дальнейшая цифровизации адвокатуры и внедрение наиболее прогрессивных цифровых платформенных решений.

Таким образом, проблемы законодательного регулирования адвокатуры существуют и требуют решения.

Выводы по разделу 3

1. При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан соблюдать закон, Кодекс этики, профессиональные стандарты, решения органов адвокатского самоуправления и постоянно повышать свою квалификацию. Также законом установлен ряд гарантий адвокатской деятельности – защита тайны, право на запрос, особый порядок привлечения к ответственности. В частности,

недовольный качеством оказанной адвокатом юридической помощи доверитель может обратиться с жалобой в адвокатскую палату.

2. В современном российском государстве корпорация адвокатов продолжает оставаться независимой, и необходимо ценить имеющиеся возможности по саморегулированию деятельности, приему новых членов и исключению тех, кто не соответствует этическим требованиям.

Залог благополучия современной российской адвокатуры – ее развитие как сплоченной профессиональной корпорации, творчески развивающей лучшие традиции предшественников и достойно отвечающей на все вызовы стремительно меняющейся жизни. Право на получение квалифицированной юридической помощи является одним из ключевых прав человека, а гарантированность реализации такого права – необходимая предпосылка для обеспечения эффективной защиты прав любого лица. Адвокатура исторически является традиционным гарантом реализации этого конституционного положения и одним из системообразующих институтов правового государства и гражданского общества.

3. Одна из задач цифровых технологий в праве – это освобождение юристов от рутинных процедур. Таким образом, взаимодействие юристов и адвокатов в цифровой среде видоизменится, даст новые возможности. Само по себе электронное правосудие ни адвокатам, ни обществу угрозы не несет. Напротив, оно должно повысить качество работы судей и наконец дать им возможность и время думать над своими процессами. В настоящее время уже создан первый модуль Комплексной информационной системы адвокатуры России – автоматизированная подсистема распределения дел по назначению (АРПН), которая позволяет с помощью сложнейших настроек удовлетворить потребности всех регионов с учетом всех их особенностей, который проходит тестовую эксплуатацию в пилотном регионе.

4. По результатам проведенного исследования предлагаются следующие меры.

- отменить ст. 310 УК РФ и ст. 161 УПК РФ;
- внести изменения в Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63–ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»;
- наделить правом законодательной инициативы Федеральную палату адвокатов РФ для разработки законопроектов на федеральном уровне и адвокатские палаты субъектов РФ – для взаимодействия с законодательными органами на региональном уровне;
- внести изменения в действующее законодательство в части предоставления льгот и компенсаций адвокатам;
- внести изменения в НК РФ о предоставлении возможности адвокатам, по их выбору, применять УСН 6 %;
- внести поправки в ГПК РФ и ГК РФ о категории дел и судебных инстанциях, где в качестве представителя могут выступать только адвокаты;
- дальнейшая цифровизации адвокатуры и внедрение наиболее прогрессивных цифровых платформенных решений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, охрана прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, усиление их социальной защищенности являются приоритетными направлениями деятельности государства и важнейшими задачами правовой реформы. Государство в лице его законодательных, исполнительных и судебных органов власти увидели в человеке высшую ценность общества и предпринимают активные, хотя и не всегда эффективные попытки к решению проблем защиты интересов конкретного человека. Важнейшим звеном в механизме организации и осуществления прав и свобод граждан является адвокатура.

Историко-правовой анализ становления и развития адвокатской деятельности в России позволяет говорить о ее постоянном реформировании и изменении. В настоящее время адвокатская деятельность является квалифицированной юридической помощью, которая оказывается на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката в порядке, установленном законодательством РФ, физическим и юридическим лицам в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию.

Нормативно-правовое регулирование адвокатской деятельности основано на положениях Конституции РФ, имеющих в системе правовых норм высшую юридическую силу, и нормах международного права. Основным актом, регулирующим адвокатскую деятельность на территории России, является Закон об адвокатуре. Важным направлением развития нормативного регулирования деятельности адвокатуры является адвокатское корпоративное нормотворчество. В настоящее время позиция адвокатского сообщества относительно каждой новой законодательной инициативы в сфере адвокатуры направлена на максимальное сужение нормативного регулирования адвокатуры, реализуемого государственными органами, и передача максимальной части вопросов в компетенцию адвокатского самоуправления.

Конституционные основы адвокатской деятельности закреплены в Конституции РФ. Исходя из закрепленных в Конституции принципов правового государства, основанного на уважении прав личности, подчинении праву и обеспечении прав и свобод правосудием, в России признаются и гарантируются, в частности, права каждого на защиту своих прав и законных интересов всеми способами, не запрещенными законом, на судебную защиту, а также на разбирательство дела судом на основе состязательности и равноправия сторон.

Итак, права человека закреплены во второй главе Конституции РФ, а также в ратифицированных Россией международных соглашениях.

В первую очередь права граждан защищает Основной закон страны – Конституция. В главе 2 прописано, что человеку в России гарантированы право на жизнь, достоинство, безопасность, свободу и личную неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, ознакомление с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, неприкосновенность

жилища, определение и указание своей национальной принадлежности, пользование родным языком, право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства, свободно выезжать за пределы РФ и беспрепятственно возвращаться. Гарантированы свобода совести и вероисповедания, мысли и слова, право на информацию.

Также граждане РФ имеют право на объединение (гарантированы свобода союзов, партий), на собрания, митинги, демонстрации, шествия, пикетирования, участие в управлении делами государства, право избирать и быть избранным, а также право обращаться в государственные органы.

Кроме того, Конституцией гарантированы социальные, экономические, культурные права – полный список прав и свобод есть в соответствующей главе Основного закона.

Отдельно права и свободы защищены кодексами и отдельными законами.

Так, в частности, трудовые права граждан защищает ТК РФ. В статье 3 прописано: «каждый имеет равные возможности для реализации своих трудовых прав». Никто не может быть ограничен в трудовых правах и свободах.

СК РФ защищает права детей и семьи: «семья, материнство, отцовство и детство в Российской Федерации находятся под защитой государства».

В ГК РФ указано, что «гражданское законодательство основывается на признании равенства участников регулируемых им отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты».

Закон «О защите прав потребителей» устанавливает права потребителей на приобретение товаров, работ и услуг надлежащего качества и безопасных для жизни, здоровья, имущества потребителей и окружающей среды, получение информации о них и об их изготовителях, исполнителях и продавцах, о владельцах агрегаторов информации о товарах и услугах, просвещение, государственную и общественную защиту их интересов.

В России существует Уполномоченный по правам человека. Должность Уполномоченного по правам человека в РФ учреждена в целях обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами. Уполномоченный, в частности, рассматривает жалобы граждан РФ и находящихся на территории России иностранных граждан и лиц без гражданства и принимает необходимые меры по защите прав человека по собственной инициативе в случае, если ему поступила информация о массовых или грубых нарушениях прав и свобод граждан, либо в случаях, имеющих особое общественное значение или связанных с необходимостью защиты интересов лиц, не способных самостоятельно использовать правовые средства защиты.

Важная и основная роль в государственно-правовом механизме обеспечения прав и свобод человека и гражданина принадлежит судебной защите.

Любой человек может обратиться в суд в целях защиты нарушенного или оспоренного (действительного или предполагаемого) права или охраняемого законом интереса. Право на судебную защиту провозглашено в части 1 статьи 46 Конституции Российской Федерации, гарантирующей каждому судебную защиту его прав и свобод. Любые права и свободы подлежат судебной защите, в каком бы документе они ни были закреплены – в Конституции, отраслевых законах или нормативных или локальных правовых актах.

Судебный порядок восстановления нарушенных прав является наиболее совершенным из всех известных мировой человеческой цивилизации методов и средств обеспечения прав личности, поэтому все еще имеющая место противоречивость, несбалансированность и пробельность нашего законодательства, конечно, требует его приведения в соответствие с международно-правовыми актами о правах человека и Конституцией РФ.

Государство не всегда способно оказать необходимую помощь в защите прав и свобод всех лиц. Конституция РФ субсидиарно предоставила каждому лицу право самостоятельно защищать свой правовой статус в любой сфере общественных отношений всеми не запрещенными законом способами, т.е. делать это во внесудебном порядке, поскольку правосудие в России осуществляется только судом.

УК РФ предоставил право каждому лицу самостоятельно (внесудебно) защищать свои права и свободы, а также права и свободы иных лиц от общественно опасных посягательств в условиях некоторых обстоятельств, исключающих преступность деяния, таких как необходимая оборона, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, и крайняя необходимость.

В связи с распространением коронавирусной инфекции (COVID-19) деятельность государственных судов на территории России ограничена, в связи с чем особо актуальными становятся альтернативные способы разрешения споров, такие как переговоры, медиация и арбитраж.

Адвокатура сегодня – это не просто институт гражданского общества, а институт защиты гражданского общества. Адвокатскому сообществу никогда не было легко: переживала трудности как присяжная, советская, постсоветская, так и сегодняшняя адвокатура. Отношения адвокатуры с государством строились также по-разному. Поэтому, адвокатура сама должна завоевывать свой авторитет, свое место под солнцем и как институт гражданского общества достойно представлять общество и защищать права граждан.

У современной адвокатуры очень много проблем, которые необходимо решать.

На сегодняшний момент ситуация складывается так, что профессионализм адвоката должен быть на порядок выше, чем профессионализм следователя, государственного обвинителя и даже судьи. Если адвокат не может собрать весь правовой материал и логически представить его судье, то существует высокая вероятность того, что у судьи не хватит времени, сил и возможностей

докапываться до сути дела. Тогда он выносит решение на основе тех материалов, которые дали стороны.

Адвокатской деятельности в системе защиты прав граждан не совершенна и требует законодательного вмешательства.

Таким образом, по результатам проведенного исследования предлагаются следующие меры по совершенствованию адвокатской деятельности в системе защиты прав граждан.

1. Отменить ст. 310 УК РФ и ст. 161 УПК РФ. Речь об институте «тайны следствия», которым правоохранители стали повсеместно злоупотреблять. И если прежде это было больше связано с попытками избежать гласности по резонансным делам, то теперь подписки о неразглашении стали в основном инструментом для давления на неугодных защитников.

2. Внести изменения в Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63–ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в части решения таких проблем, как ограниченность организационно-правовых форм адвокатских образований, невозможность заключения соглашения об оказании юридической помощи между адвокатским образованием и доверителем и невозможность осуществления адвокатской деятельности по трудовому договору.

3. В силу ч. 1 ст. 18 Закона об адвокатуре запрещается вмешательство в адвокатскую деятельность, осуществляемую в соответствии с законодательством. Предлагается дополнить ч. 1 ст. 18 абзацем о том, что «Вмешательство в какой бы то ни было форме в адвокатскую деятельность влечет установленную законом ответственность». Заметим, что гарантии независимости адвоката в отсутствие мер ответственности носят декларативный характер.

4. В настоящее время норма ст. 6.1 Закона об адвокатуре (адвокат имеет право направлять адвокатский запрос и получать ответ на него в течение 30 дней) не работает в полном объеме. Она фактически наделяет адвоката правом получать информацию по доверителю, что просто дублирует права самого доверителя, не позволяя получить иную информацию в рамках дела, в случае если, к примеру, эта информация касается личных данных других участников процесса. При этом таким правом наделен суд и правоохранительные органы, что создает определенный дисбаланс защиты и обвинения. По нашему мнению назрела необходимость включения адвокатов в перечень субъектов, правомочных получать информацию, аналогично указанным органам, но с возложением ответственности при допустимом злоупотреблении.

5. Наделить правом законодательной инициативы Федеральную палату адвокатов РФ для разработки законопроектов на федеральном уровне и адвокатские палаты субъектов РФ – для взаимодействия с законодательными органами на региональном уровне. Последние изменения в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» исключают возможность членов адвокатского сообщества быть депутатами законодательных органов всех уровней, что фактически «выбивает» из той сферы, в которой адвокаты ориентируются по роду профессиональной деятельности.

6. Внести изменения в действующее законодательство в части предоставления льгот и компенсаций адвокатам.

7. Внести изменения в НК РФ о предоставлении возможности адвокатам, по их выбору, применять УСН 6%; в Федеральный закон «О страховании вкладов в РФ» о распространении системы страхования вкладов на адвокатские образования, в том числе адвокатов, учредивших адвокатский кабинет, в целях установления адвокатам гарантий по сохранению денежных средств, размещенных на расчетных счетах, в случае отзыва (аннулирования) лицензии у банка.

8. Внести поправки в ГПК РФ и ГК РФ о категории дел и судебных инстанциях, где в качестве представителя могут выступать только адвокаты.

9. Дальнейшая цифровизации адвокатуры и внедрение наиболее прогрессивных цифровых платформенных решений.

Таким образом, проблемы законодательного регулирования адвокатуры существуют и требуют решения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря. – № 237.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95–ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 11. – Ст. 3410.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14–ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996 – № 39. – Ст. 1101.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51–ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994 – № 32. – Ст. 3301.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138–ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 12. – Ст. 3194.
6. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30.12.2001 № 195–ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1. – Ст. 24.
7. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223–ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996 г. – № 1. – ст. 16.
8. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146–ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998 . – № 41. – Ст. 3121.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63–ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 6. – Ст. 1194.
10. Уголовно-исполнительный Кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1–ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 1. – Ст. 11.
11. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63–ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». – СПС «Гарант».
12. Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 324–ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации». – СПС «Гарант».
13. Федеральный закон от 15 июля 1995 года № 103–ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». – СПС «Гарант».
14. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят Первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 года). – СПС «Гарант».
15. Хартия Основополагающих принципов адвокатской деятельности (принята на VI Петербургском Международном Юридическом Форуме). – СПС «Гарант».
16. Общий кодекс правил для адвокатов стран Европейского Сообщества. – СПС «Гарант».
17. Основные положения о роли адвокатов 1990 года (приняты восьмым

- Конгрессом ООН по предупреждению преступлений в августе 1990 г. в Нью-Йорке). Основные принципы, касающиеся роли юристов (приняты восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Гавана, 27 августа –7 сентября 1990 г.). – СПС «Гарант».
- 18.Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.). – СПС «Гарант».
  - 19.Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 января 2020 года № 3-П. – СПС «Гарант».
  - 20.Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 апреля 2020 года № 21-П. – СПС «Гарант».
  - 21.Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 12.04.2019 г. № 16-КА19-2 «О предоставлении свидания адвоката с подзащитным с использованием технических средств». – СПС «Гарант».
  - 22.Постановление Московского городского суда от 10.01.2020 г. «О злоупотреблении правом». – СПС «Гарант».
  - 23.Определение КС РФ от 30 января 2020 г. № 34-О. – СПС «Гарант».
  - 24.Адвокатская деятельность и адвокатура в России в 2 ч. Часть 1 : учебник для академического бакалавриата / И.Л. Трунов и др.; под ред. И.Л. Трунова. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 218 с.
  - 25.Адвокатская деятельность и адвокатура в России в 2 ч. Часть 1: учебник для академического бакалавриата / И.Л. Трунов и др.; под ред. И.Л. Трунова. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 218 с.
  - 26.Адвокатская деятельность и адвокатура в России в 2 ч. Часть 2: учебник для академического бакалавриата / И.Л. Трунов и др.; под ред. И.Л. Трунова. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 218 с.
  - 27.Адвокатская практика: учебник. / А.А. Клишин, А.А. Шугаев, В.Д. Волков и др. // ЭБС ЛАНЬ. –<https://e.lanbook.com/book/75015>
  - 28.Адвокатура в России: учебник для вузов / под общ. ред. В.И. Сергеева. – М.: Юстицинформ, 2019. – 548 с.
  - 29.Адвокатура и адвокатская деятельность: учебник для бакалавриата и специалитета / А.А. Клишин и др.; под ред. А.А. Клишина, А.А. Шугаева. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 492 с.
  - 30.Адвокатура России: учебник для академического бакалавриата / С.С. Юрьев и др.; под ред. С.С. Юрьева. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 452 с.
  - 31.Адвокатура: учебник и практикум для СПО / С.С. Юрьев и др.; под ред. С.С. Юрьева. – М.: Издательство Юрайт, 2017. – 408 с.
  - 32.Володина, С.И. Адвокатура. Учебник для бакалавров / С.И. Володина, А.Г. Кучерова, Ю.С. Пилипенко // ЭБС Проспект. – <http://ebs.prospekt.org/book/38432>
  - 33.Гриненко, А.В. Адвокатура в Российской Федерации. Учебник. / А.В. Гриненко. – М.: Проспект. 2021. – 248 с.
  - 34.Дмитриев, А.М. Адвокатура России в схемах. Учебное пособие. / А.М. Дмитриев. – М.: Проспект. 2019. – 64 с.
  - 35.Косаренко, Н.Н. Право. Адвокатура. Нотариат: сборник материалов

- Международных научных чтений 2017 / Н.Н. Косаренко // ЭБС BOOKRU. – <https://book.ru/book/927846>
36. Пилипенко, Ю.С. Адвокатура. Учебник для бакалавров. / Ю.С. Пилипенко. – М.: Проспект, 2021. – 360 с.
  37. Пилипенко, Ю.С. Научно-практический комментарий к Кодексу профессиональной этики адвоката / Ю.С. Пилипенко. – М.: Норма, 2016. – 576 с.
  38. Адвокатура и адвокатская деятельность. Учебник для бакалавриата и специалитета. / Под ред. А.А. Клишина, А.А. Шугаева. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 492 с.
  39. Ивакина, Н.Н. Профессиональная речь юриста: Учебное пособие / Н.Н. Ивакина. – М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2019. – 448 с.
  40. Профессиональные навыки юриста : учебник для академического бакалавриата / Е.Н. Доброхотова и др.; под общ. ред. Е.Н. Доброхотовой. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 326 с.
  41. Профессиональные навыки юриста в уголовном судопроизводстве: учеб. пособие / Т.Ю. Максимова, Е.А. Рубинштейн; под ред. Е.А. Рубинштейна. – М.: Норма ИНФРА-М, 2017. – 112 с.
  42. Резник, Г.М. Судебные речи известных русских юристов. Сборник в 2 ч. Часть 1 / Г.М. Резник. – М.: Издательство Юрайт, 2017. – 378 с.
  43. Сергеич, П. Искусство речи на суде / П. Сергеич, Г.М. Резник. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 395 с.
  44. Сергеич, П. Уголовная защита / П. Сергеич, Г.М. Резник. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 179 с.
  45. Смоленский, М.Б. Адвокатура в России. Учебник. / М.Б. Смоленский. – М.: КноРус. 2020. – 188 с.
  46. Смыкалин, А.С. Адвокатура в Российской Федерации. Учебник. / А.С. Смыкалин. – М.: Проспект. 2021. – 320 с.
  47. Спасович, В.Д. Судебные речи / В.Д. Спасович, Г.М. Резник. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 403 с.
  48. Чвиров, В.В. Судебное делопроизводство в цифровую эпоху. / В.В. Чвиров. – М.: ИД Городец. 2020. – 352 с.
  49. Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации <http://https://minjust.gov.ru/ru/> (Дата обращения 25.05.2021 г).
  50. Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации <https://fparf.ru/> (Дата обращения 25.05.2021 г).